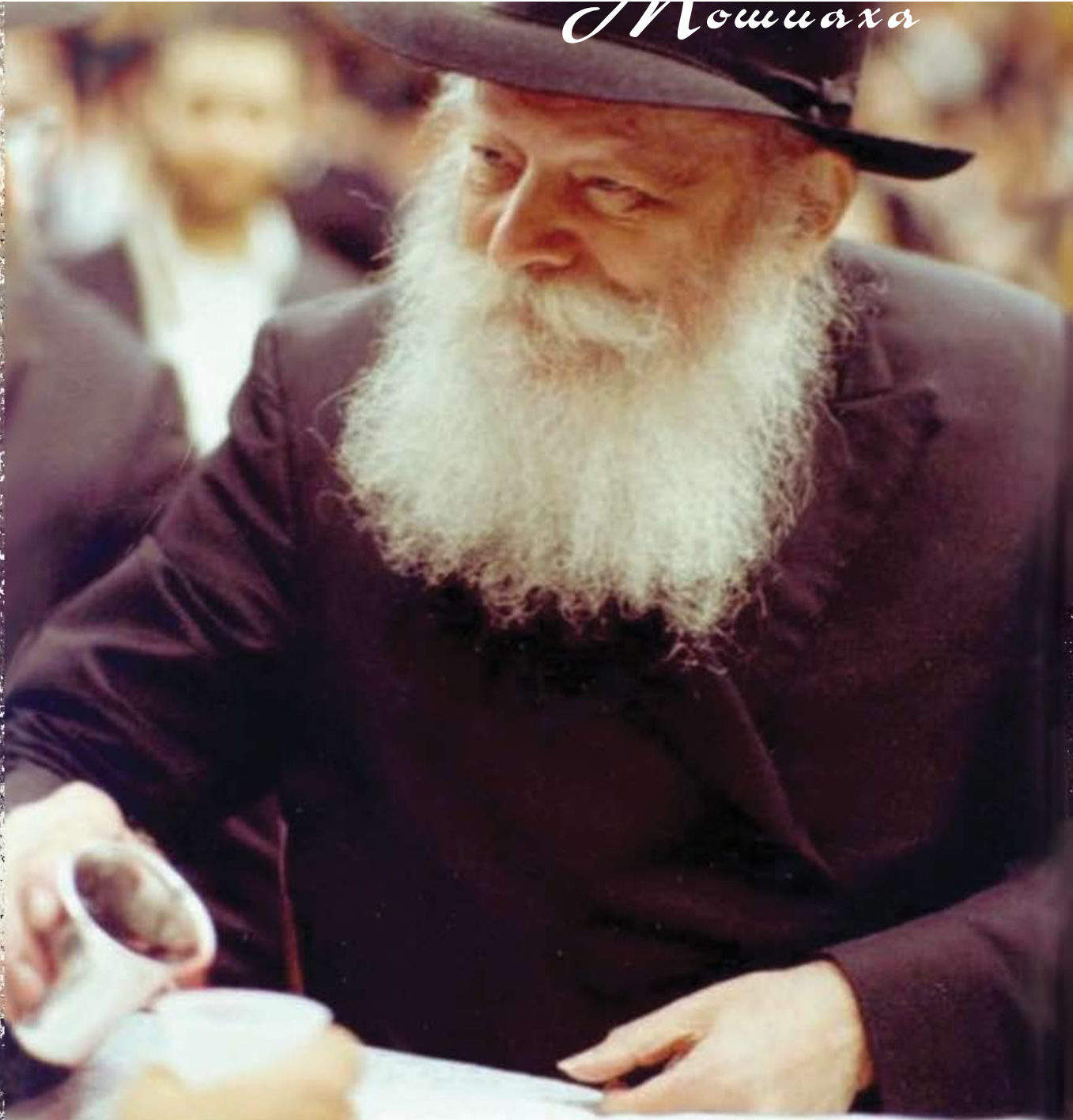

SVET SVET

5 כ"ה

НИСАН 5767
АПРЕЛЬ 2007
APRIL 2007
ZHIZN'-LIFE

Мошиах

ДА ЗДРАВСТВУЕТ
ЛЮБАВИЧСКИЙ РЕБЕ
КОРОЛЬ МОШИАХ!

ВНИМАНИЕ: ПЕСАХ!

Бдикат хомец (поиск квасного) совершают в воскресенье, 13 Нисана (1 апреля), после выхода звезд.

Перед этим произносятся благословение:

БОРУХ АТО АДЭЙ-НОЙ ЭЛЭЙ-ХЭЙНУ МЭЛЭХ ХОЭЙЛОМ АШЕР КИДЕШОНУ БЭМИЦВЭЙСОВ ВЭЦИВОНУ АЛ БИУР ХОМЭЙЦ
 («Благословен Ты, Б-г, Всесильный наш, Владыка вселенной, освятивший нас Своими заповедями и повелевший уничтожить квасное!»)

Есть хомец в понедельник, 14 Нисана (2 апреля) разрешается до 10:48 (Нью-Йорк) и до 11:48 (Израиль)

Сжигают хомец до 11:46 (Нью-Йорк) и до 12:40 (Израиль)

ТОЧНОЕ ВРЕМЯ ДЛЯ КАЖДОГО ГОРОДА СЛЕДУЕТ ВЫЯСНИТЬ У МЕСТНОГО РАВВИНА!

ЗАЖИГАНИЕ ПРАЗДНИЧНЫХ СВЕЧЕЙ

	ПОНЕДЕЛЬНИК 14 НИСАНА (2 АПРЕЛЯ)		ВТОРНИК 15 НИСАНА (3 АПРЕЛЯ - ДИАСПОРА)		ВОСКРЕСЕНЬЕ 20 НИСАНА (8 АПРЕЛЯ)		ПОНЕДЕЛЬНИК 21 НИСАНА (9 АПРЕЛЯ - ДИАСПОРА)	
	Зажиг.	Исход	Зажиг.	Исход	Зажиг.	Исход	Зажиг.	Исход
ИЕРУСАЛИМ	18:23	19:37			18:27	19:41		
ТЕЛЬ-АВИВ	18:39	19:39			18:43	19:43		
ХАЙФА	18:30	19:39			18:34	19:43		
ЭЙЛАТ	18:38	19:37			18:42	19:41		
НЬЮ-ЙОРК	19:03	-----	после 20:04	20:05	19:10	-----	после 20:10	20:12

Главный редактор:
раввин МОШЕ-ХАИМ ЛЕВИН
Редактор:
раввин НАФТОЛИ ЭСТУЛИН
Литературный редактор:
ЭЛИ ЭЛКИН
Редколлегия:
д-р ШЛОМО РОЗЕНОЕР,
ЭЛИ ЛЮКСЕМБУРГ
Корректор:
СОФИЯ АРЛОЗОРОВ
Дизайн, графика, рисунки:
ХАЯ-ЗОЯ ЯНКОВСКАЯ
Администратор:
ИЕГУДИС ЭЛКИНА

Адрес издательства «СВЕТ МОШИАХА»

НЬЮ-ЙОРК
SVET MoshiaCh
605 Ocean Parkway,
Brooklyn, NY 11218
Тел.: 718-854-0006
Факс: 718-871-6955
E-mail: svet@moshiach.com

ЛОС-АНДЖЕЛЕС

Chabad Russian Immigrant
Program and Synagogue
7636 S. Monica Blvd.,
Los Angeles, CA 90046
Тел.: (323) 848-2999

ИЗРАИЛЬ

Kiryat-Malachi, 70900
Chabad, 144/21
Тел. 972-8-850-1627
E-mail:
svet_moshiacha@yahoo.com

Журнал «СВЕТ МОШИАХА»
выходит ежемесячно.
Для оформления подписки
звоните по вышеуказанному
номеру.
Цена годовой подписки
(12 номеров):
в Израиле – 50 шекелей,
в США – \$18.
Розничная цена:
в Израиле – 5 шекелей,
в США – \$1.50.

Печатается в Израиле
© «Свет Мошиаха»
Использование материалов
и их перепечатка
только с разрешения издательства

ZNIZN-LIFE
(ISSN #1060-4278, USPS 007-474)
is published monthly
by the Chabad Russian
Immigrant Program and Synagogue,
7636 S. Monica Blvd.,
Los Angeles, CA 90046
**regular subscription price is
\$18 per year.**

Periodicals postage paid
at Los Angeles,
California and additional entry point.
POSTMASTER send address
change to ZHIZN-Life
7636 S. Monica Blvd.,
Los Angeles, CA 90046
Phone (323) 848 2999

После зажигания праздничных свечей произносятся:

БОРУХ АТО АДЭЙ-НОЙ ЭЛЭЙ-ХЭЙНУ МЭЛЭХ ХОЭЙЛОМ АШЕР КИДЕШОНУ БЭМИЦВЭЙСОВ ВЭЦИВОНУ ЛЕХАДЛИК НЭЙР ШЭЛ ЙОМ-ТОВ
 («Благословен Ты, Б-г, Всесильный наш, Владыка вселенной, освятивший нас Своими заповедями и повелевший нам зажигать свечу праздника!»)

ТОЛЬКО в первый вечер праздника (в диаспоре – и во второй) добавляют:

БОРУХ АТО АДЭЙ-НОЙ ЭЛЭЙ-ХЭЙНУ МЭЛЭХ ХОЭЙЛОМ ШЕЭХЭЙОНУ ВЕКИЙМОНУ ВЭХИГИОНУ ЛИЗМАН ХАЗЭ
 («Благословен Ты, Б-г, Всесильный наш, Владыка вселенной, который дал нам жизнь и поддерживал нас, и дал нам дожить до этого времени»)

ТРАПЕЗА МОШИАХА:

- В Израиле - в седьмой день праздника, незадолго до захода солнца
- В диаспоре - в восьмой день праздника, незадолго до захода солнца

В Израиле запрет на употребление квасного снимается через час после наступления ночи 21 Нисана (9 апреля), в диаспоре – 22 Нисана (10 апреля)

С РЕДАКТОРСКОГО СТОЛА

САМЫЙ ЛУЧШИЙ ПОДАРОК	3
ЛЕТОПИСЬ КАБАДА	
ВКУС СВОБОДЫ... Ребецин Хана Шнеерсон	4
ФАРБРЕНГЕН	
НАКОЛКИ НА ЗМЕИНОЙ КОЖЕ Э.Коган	7
ПОСЛАННИКИ	
ХЛЕБ ВЕРЫ р. Ш.Куниин	8
ДОРОГА В ЛЮБОВИЧИ	
ХАСИДСКОЕ СНАДОБЬЕ З.Голдин	9
ЖИЗНЬ ВЕЛИКИХ	
ОТРАВЛЕННЫЙ ЗАГОВОР д-р Ш.Розеноер	10
СЛОВА, ИДУЩИЕ ИЗ СЕРДЦА	
ЛЕГЕНДА О ДИНОЗАВРАХ из писем Ребе	12
В НАШЕ ИНТЕРЕСНОЕ ВРЕМЯ	
ТЕОРИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ ПРОФ. ГРИНА М.Быстрицкий	15
ЧЕТЫРЕ ЛОКТА ЗАКОНА	
ВОЗНЕСЕНИЕ РУК д-р Ш.Розеноер	17
ЖИЗНЬ С РЕБЕ	
ПРАВЕДНИК НАШЕГО ВРЕМЕНИ И.Йегуда	18
УЖ ПРАЗДНИК НА НОСУ	
МЫ-НЕ РАБЫ	20
ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ	
РЯДОВОЙ ИХВАС Э.Люксембург	22
А МЫ СМЕЕМСЯ...	
ПАРАД ПРЕСМЫКАЮЩИХСЯ П.Йоффе	24
ИСКРЫ ЕВРЕЙСКОЙ ДУШИ	
ФЕНИКС - СИМВОЛ БЕССМЕРТИЯ Х.Фридман	25
ЛЮДИ НАШЕГО КРУГА	
МУЗЫКАНТ Э.Элкин	26

САМЫЙ ЛУЧШИЙ ПОДАРОК

В день рождения обычно дарят подарки, желают юбиляру много хорошего, всячески стараются его радовать и, конечно же, устраивают праздничное застолье. Так, во всяком случае, принято в цивилизованном обществе.

Но у нас, у евреев, все наоборот. Мало того, что пишем мы слева направо, день рождения, самый приятный праздник, и тот отмечаем по-своему. То есть, конечно, и подарки, и пожелания, и застолье приветствуются, но легкую нотку хандры в общий мажорный тон мы непременно вносим.

Вот, например, в хасидском календаре «а-Йом-Йом», составленном Любавичским Ребе Менахем-Мендлом Шнеерсоном, сказано: «В свой день рождения человеку на некоторое время следует побыть с собой наедине. Нужно вспомнить все, что он пережил, и глубоко над этим поразмыслить. Наверняка, есть что-то, что требует исправления и очищения...»

Совершенно непонятно. Один-единственный день в году, когда человек может от души порадоваться за самого себя, любимого, и вот на тебе – уединяйся и размышляй! Почему именно в день рождения?

Прежде чем ответить на этот вопрос, давайте полистаем страницы нашей истории.

В свое время, 3319 лет тому назад, Моше-рабейну, первый наш лидер, вывел еврейский народ из мрачного Египта. Ответственность, которую он взвалил тогда на свои плечи, была поистине громадной: вывести из рабства на свободу несколько миллионов человек, не убоявшись возможных трудностей и осложнений (а они таки имели место). На такой поступок способен лишь ИСТИННЫЙ лидер, достойный избранник Всевышнего. Моше-рабейну, как говорится, не подвел и оправдал возложенное на него доверие: Исход состоялся, евреи обрели долгожданную свободу и удостоились, в качестве награды, величайшего события в истории – Синайского Откровения.

А теперь представьте себе такую ситуацию: Всевышний обращается к измученным, отчаявшимся увидеть белый свет евреям с повелением немедленно покинуть пределы ненавистой им страны – при чем обращается НЕПОСРЕДСТВЕННО, НАПРЯМУЮ. Послушались бы они Его?.. Вряд ли. Так уж устроен человек, что возложить ответственность за свои поступки (как и последствия этих поступков) ему хочется на кого-то, кто «шагает впереди» и готов «отвечать за все». Моше-рабейну был таким человеком и потому (да простится мне мой максимализм) Исход состоялся исключительно в его заслугу. Согласен, звучит довольно дерзко, но не безосновательно. В конце концов, если бы не Моше, стали бы наши предки такими гордыми и независимыми?.. А заодно, благодаря своему труженику-лидеру, еврейский народ отметил не только Исход, но и первый свой праздник Песах.

Не нужно быть излишне наблюдательным, чтобы заметить, что день рождения нашего Ребе, Короля Мошиаха, отмечается за четыре дня до праздника Песах – 11 Нисана. А раз уж эти события так близки друг другу в календарном контексте, то должна быть между ними связь духовная.

Работа, за которую Ребе взялся с самых первых дней своего лидерства, была работой вселенского масштаба. Нужно было встряхнуть мир, очистить его и приготовить к приходу Мошиаха. Подобно Моше-рабейну, Ребе взвалил на свои плечи ответственность за всех нас – таких разных и схожих лишь в одном - «жестокостью» – и вывел нас из Египта, и духовного, и физического...

Так что никто из нас не покривит душой и не будет уличен в крамоле, если скажет, – ХОТЯ БЫ САМОМУ СЕБЕ, – что праздник Песах, как и все остальные последующие, а также предшествующие ему праздники, мы отмечаем исключительно благодаря Ребе, Моше-рабейну нашего поколения!..

И вот сейчас мы можем вернуться к нашему вопросу.

День рождения главы поколения – это день рождения каждого из нас. Сколько из нас родилось заново благодаря Ребе? Слишком велико это число, да и ни один статист вам этого не скажет. И что же требуется от нас? Всего ничего!.. Найти в этот день короткий промежуток времени – пусть даже это будет всего одна минута – поразмыслить и признаться самому себе, что вся наша жизнь, все наше существование напрямую связано с Ребе. Поверьте, лучшего подарка для Ребе в его день рождения не придумаешь...

ВКУС СВОБОДЫ СКВОЗЬ ГОРЕЧЬ ИЗГНАНИЯ

В 1939 г. (9 Нисана 5699 г.) был арестован главный раввин Екаторинослава рабби Леви-Ицхак Шнеерсон, отец Нынешнего Любавичского Ребе. Он был обвинен в антисоветской деятельности, приговорен к пяти годам лишения свободы и сослан в Казахстан, в поселение Чиили. Его супруга, ребецин Хана, невзирая на тяготы и лишения, которые ожидали ее, добровольно отправилась в ссылку вместе с мужем. Жизнь в ссылке подробно описана в ее дневнике воспоминаний, отрывки из которого мы предлагаем вниманию наших читателей.

ИЗ ЗАПИСОК РЕБЕЦИН ХАНЫ ШНЕЕРСОН

АДАР, 5700 (1940) Г.

...После праздника Пурим я решила отправиться к моему мужу. Для начала я должна была приехать в Москву, а оттуда отбыть в длительное путешествие в Чиили.

Приехав в Москву, я сразу же пошла в прокуратуру, где попросила о встрече с главным прокурором. Я хотела подать прошение на пересмотр дела моего мужа. Меня записали на прием в пятницу днем.

Во время нашей встречи люди, беседовавшие со мной, были исключительно вежливы и учтивы. Они внимательно выслушали меня и ответили, что дело они обязательно пересмотрят, а ответ пришлют мне почтой. После этого мне дали понять, что разговор окончен.

В субботу вечером я стала собираться в дорогу. С большим трудом мне удалось раздобыть несколько лепешек мацы, немного вина и шмальца для предстоящего праздника Песах.

Пять дней длилась дорога в Казахстан. Когда поезд прибыл в поселок Чиили, мои попутчики, среди которых было несколько коммерсантов и даже профессоров университета, помогли мне выгрузить вещи. От них я услышала жуткие истории о непролазной грязи в этой болотистой местности, о комарах, тучами кишачих здесь, о невыносимой жаре и чуме здешних мест – малярии.

Мой муж пришел встречать меня с еще одним таким же, как и он, ссыльным евреем. Когда я увидела его изможденное лицо, то, во что он был одет, моей сердце сжалось от боли.

Почти сразу же выяснилась первая трудность. Как доставить на место все вещи, которые я привезла с собой? Расстояние было не таким уж большим, что-то около двух километров, но это были два километра непроходимой грязи. В конце концов, мы наняли крепкого казаха, который взял самые тяжелые узлы и чемоданы, а остальное принесли мы.

...Комната, в которой жил мой муж, была расположена в доме одной татарской семьи. Чтобы попасть в комнату, мы должны были пройти через их темный и грязный коридор, который казался еще темнее от роя комаров, а также через их спальню.

Первым делом я разожгла огонь из щепок, которые мне удалось насобирать, а затем закипятила чайник. (О том, чтобы пить простую воду, не могло быть и речи. Для начала нужно было дожидаться, когда песок осядет на дно.)

Я сразу же поняла, что побыть наедине и поговорить друг с другом обо всем, что накопилось за год, в доме не удастся. Двери в нашей комнате не было, а хозяйка, как только мы сели ужинать, совершенно бесцеремонно уселась напротив.

После ужина я постаралась плотно завесить оба окна нашей комнаты, чтобы мы могли спокойно отдохнуть, но как только стало темно, комары, до сих пор не досаждавшие нам, перешли в открытую атаку. В эту ночь нам практически не удалось сомкнуть глаз.

2 НИСАНА 5700 (1940) Г.

В этот день, йорцайт Ребе Рашаба (Пятого Любавичского Ребе), моему мужу нездоровилось. Дали о себе знать изматывающее месячное путешествие из Харькова в Чиили, а также невероятно тяжелые условия, в которых он оказался. Тем не менее, вопреки слабости, охватившей его, мой муж сказал, что сегодня 2 Нисана, особенный день, и поэтому он желает произнести маамар.

«Проблема в том, – сказал он, – что нет никого, кто мог бы слушать меня и следить за ходом моих мыслей. Было бы также хорошо сесть и записать некоторые новые идеи, которые открыл мне Всевышний, но у меня нет ни бумаги, ни чернил. Что я могу поделаться?», – и после некоторой паузы продолжил: «Но думать – обдумывать маамар мне никто не может помешать! Так пусть же Всевышний даст мне силы, чтобы думать!»

Он сел и погрузился в мысли. Это длилось довольно долго. Затем он посмотрел на меня и начал говорить о Ребе Рашабе. Было совершенно ясно, что он полностью забыл о том, где он сейчас находится.

В один из дней я отправилась в самый ближайший город, Кзыл-Орду, который находился в 150 километрах от нашего поселка. Обратно я вернулась с двумя тетрадами и порошком, из которого мы потом изготовили чернила. Трудно описать словами восторг моего мужа, когда он увидел эти вещи. Даже хлеб, который я привезла ему, и который он не ел уже долгое время, не доставил ему столько радости.

С этого дня и до последних своих дней мой муж, как только предоставлялась возможность и рядом оказывались бумага и чернила, постоянно писал. Он был все время погружен в свои мысли, и не нужно было обладать особой прозорливостью, чтобы понять, как жаждет он поделиться этими мыслями с кем-либо еще. Осознавая, однако, что это невозможно, мой муж довольствовался тем, что излагал эти мысли на бумаге.

Однажды я спросила его, почему он не записывает случаи из своей жизни. Он удивленно посмотрел на меня и ответил: «Как я могу тратить драгоценное время на такие незначительные вещи?»

НИСАН 5700 (1940) Г.

...До праздника Песах оставались считанные дни.

Наша хозяйка и ее муж, как я заметила, были людьми религиозными. Мне казалось, поэтому, что если я просвещу их немного о нашем празднике, они поймут меня быстрее, чем кто-либо другой. Увы, мои надежды не оправдались. И без того недовольные нашим поведением и обычаями (особенно их раздражало то, что мы используем драгоценную воду не только для питья), хозяева не придали никакого значения нашей предпраздничной подготовке. Более того, они потребовали, чтобы мы немедленно покинули их дом.

Что и говорить, ситуация, в которой мы оказались, была не из легких: за две недели до праздника оказаться без жилья. Несколькими днями спустя одна из местных жительниц, женщина прижимистая и склочная, согласилась сдать нам комнату в ее доме. Ежемесячная плата, которую она от нас потребовала, составляла ни много, ни мало - пятьдесят рублей!.. Выбора у нас не было, и мы согласились на эти варварские условия. У комнаты, правда, было одно большое преимущество – отдельный вход. Но и недостатков, помимо баснословной цены, тоже хватало. Особенно нам досаждали сыновья хозяйки – дикие, озлобленные, жестокие. Похоже, им доставляло удовольствие издеваться над нами и всячески нас высмеивать.

Мы «въехали» в наше новое жилье за несколько дней до праздника. Мой муж переносил вещи в одиночку, поскольку помочь было некому. Как болело мое сердце, когда я смотрела на это!..

Испытания наши, однако, не закончились. Решился вопрос с комнатой – возникла новая трудность. С собой из Москвы я везла две новые кастрюли, достать которые мне стоило огромных усилий: для этого весь день пришлось простоять в очереди. Как обнаружилось, они бесследно исчезли. Возможно, это произошло, пока я находилась в пути. Телеграммы в Москву и Екатеринослав никакого результата не дали. Из народного комиссариата путей сообщения я получила ответ, что мне готовы выплатить семь рублей – в качестве компенсации ущерба. Для этого требовалось приехать в Ташкент, где был расположен центральный железнодорожный отдел, и я изначально откасалась от этой затеи.

Мой муж сказал, что раз у нас нет посуды, в которой мы смогли бы готовить в Песах, значит на протяжении всех восьми праздничных дней он не будет есть ничего вареного. Я хорошо знала, что мой муж никогда не откажется от своего слова и никогда не пойдет на компромисс в соблюдении заповедей. Поэтому я предприняла путешествие в город Яныкурган, расположенный в нескольких часах езды от нашего поселения.

Там я нашла группу киевских хабадников, такие же ссыльных, как мой муж. Сред них были раввин и шойхет. Два дня, проведенные мною в этом городе, принесли плоды: мне удалось достать новую кастрюлю. Кроме того, я воспользовалась возможностью и развилась для праздника мясом и рыбой. Эти продукты я попросила привезти нам накануне Песаха.

Вернувшись домой, я сразу же начала готовиться к празднику. Я тщательно подмела нашу комнату, вымыла каждый ее уголок. Затем я застелила стол белой скатертью, которую привезла с собой. За ночь до праздника, я убрала и накрыла все, чем мы пользовались на нашей так называемой кухне (на предыдущей квартире ею служил один из углов комнаты).

На следующее утро, когда подошло время сжигать хомец, мой муж не выдержал и заплакал. Он плакал все то время, пока произносил молитву, которой обычно завершают процедуру сжигания:

«Да будет Тебе угодно ... как уничтожаю я хомец из дома моего и владений моих, так и Ты уничтожь всю скверну и дух нечисти удали с лица земли!.. И дай нам сердце доброе, чтобы служить Тебе истинно!..»

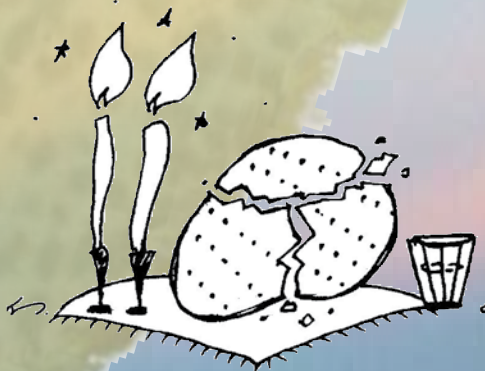
Слезы текли по его лицу, с уст то и дело срывались громкие стоны. Я плакала вместе с ним.

В первый вечер праздника у нас был гость – еврей, которого сослали в Чилии вместе с моим мужем. Мы сидели за праздничным столом, но атмосфера вокруг была далеко не праздничной. В окно то и дело заглядывали соседские дети. Они смеялись над нами, кривлялись, передразнивая каждое наше движение. Ни мой муж, ни наш гость не обращали на них ни малейшего внимания.

Каждый раз, произнося слова «время свободы нашей», мы вспоминали предыдущие пасхальные вечера, проведенные дома. Это помогало нам хоть как-то ощутить вкус свободы.

Назвать нашу трапезу праздничной можно было лишь при наличии сильного воображения. Мясо и рыба, которые я раздобыла в Яныкургане, мне действительно привезли накануне праздника. Но за это время продукты успели испортиться, и есть их было совершенно невозможно. Слава Б-гу, на столе были маца и вино. Каждая крошка и каждая капля были для нас слаще любых деликатесов.

И все же мы старались хотя бы разговорами поддерживать атмосферу праздника. Мой муж объяснял нашему гостю отрывки из Агады, пел нигуним. Мы делали все возможное, чтобы отвлечься от мрачных мыслей, чтобы окончательно не пасть духом. Было трудно, было невероятно тяжело, но нам удалось это сделать. Мы чувствовали, что поработаны лишь физически, но наши души, наши мысли, наши сердца были свободны. Признаюсь, что такого ощущения свободы я не испытывала больше никогда...

ОСОБЫЕ ДАТЫ МЕСЯЦА НИСАН:

2 НИСАНА 5680 (1920) г.

Йорцайт Пятого Любавичского Ребе Шолом-Довбера Шнеерсона

11 НИСАНА 5662 (1902) г.

день рождения Нынешнего Любавичского Ребе Менахем-Мендла Шнеерсона, Короля Мошиаха

13 НИСАНА 5626 (1866) г.

Йорцайт Третьего Любавичского Ребе Менахем-Мендла (Ребе Цемах-Цедек)

18 НИСАНА 5638 (1878) г.

день рождения рабби Леви-Ицхака Шнеерсона, отца Любавичского Ребе Менахем-Мендла Шнеерсона

20 НИСАНА 5701 (1941) г.

Любавичский Ребе Менахем-Мендл Шнеерсон и его супруга ребецин Хая-Мушка, находясь в оккупированном Париже, получают американскую визу.

27 НИСАНА 5744 (1984) г.

Любавичский Ребе Менахем-Мендл Шнеерсон инициирует кампанию по ежедневному изучению трудов Рамбама "Мишнэ Тора" и "Сефер Амицвот", цель которой заключается в том, чтобы все евреи мира были объединены совместным изучением законоведческого труда, охватывающего все законы Торы.

ЧЕРНИЛА ИЗ ТРАВ

ИЗ БЕСЕДЫ ЛЮБАВИЧСКОГО РЕБЕ МЕНАХЕМ-МЕНДЛА ШНЕЕРСОНА:

«...Мой отец был арестован и по приговору советского суда сослан в заброшенное казахское поселение. Там он жил в невероятно тяжелых условиях, но переживал он больше всего из-за отсутствия чернил, из-за того, что был лишен возможности записывать свои мысли. Эта возможность появилась у него лишь после того, как моя мать, ребецин Хана, получила разрешение властей присоединиться к нему в его изгнании. Она собирала травы и из них изготавливала чернила самых разных цветов – черные, синие, зеленые, красные и т.д. Благодаря этому мой отец смог записать множество оригинальных толкований Торы... Он писал на полях священных книг, которые моя мать привезла с собой, и на маленьких клочках бумаги. После того, как отец оставил этот мир, мать бережно хранила эти книги и записи и увезла их с собой, когда ей удалось, наконец-то, покинуть СССР. Это было крайне рискованно с ее стороны, поскольку багаж всех тех, кто уезжал за границу, тщательно обыскивался. Любая подозрительная находка грозила арестом и заключением, что неоднократно и случалось. Опасность удваивалась и даже утраивалась в силу того, что моя мать была на подозрении у властей – во-первых, потому что она была вдовой ссыльного политического заключенного, а во-вторых, потому что носила фамилию Шнеерсон... Вопреки всем трудностям и препятствиям, моя мать, с Б-жьей помощью, все же добралась до берегов этой страны (США), где и были напечатаны труды моего отца. Теперь у нас есть возможность читать и изучать их – главным образом, благодаря самоотверженности моей матери. Как говорят наши мудрецы: «Вино – хозяйина, но благодарность – виночерпию».

НАКОЛКИ НА ЗМЕИНОЙ КОЖЕ

Р. ЗЛИ КОГАН

Почему-то коварные попытки заманить еврея на лекцию по иудаизму зачастую натываются на заслон мудрой фразы: "Мне уже поздно себя менять". Его же не пытаются уболтать сделать пластическую операцию! Всего-то прийти послушать. Должно быть, подспудно такой человек просто боится узнать нечто такое, что в итоге заставит его поменять привычный жизненный уклад. Как объясняется в Каббале, существует огромное различие между знанием и владением информацией. Знание - третий уровень интеллекта - есть синтез Мудрости и Понимания, определяющий и формирующий естество человека и, соответственно, его поведение.

Конечно, переход информации в Знание со всем из этого вытекающим - процесс постепенный и сугубо индивидуальный, у разных людей протекающий в разном темпе и не у всех одинаково далеко заходящий (если он вообще начинается). Никто не меняется в одночасье, и уж, во всяком случае, человеку не надо прыгать выше головы и лезть из кожи вон...

Хотя по поводу последнего мне по ассоциации вспоминается одна история, случившаяся несколько лет назад с человеком, которого я, по правде сказать, лично не знаю. Парень этот родился в нерелигиозной семье и родителей своих радовал, мягко говоря, не слишком.

Потому что не пошел в колледж, чтобы стать, как полагается приличному еврейскому ребенку, врачом, адвокатом, а заделался всяким там рокером-байкером. И в голове его вместо ученых книг были рок-н-ролл, мотоциклы и то, что, как поется в старой песне летчиков, следует потом, сразу после самолетов.

Однако то, что последовало в прямом смысле потом, стало для родителей еще большим кошмаром.

То ли хворь какая приключилась, а то ли ветер автострады занес пареню под шлем вопрос о смысле бурной этой жизни, и засел этот вопрос так крепко и глубоко, что следующие пару лет парень потратил поискам ответа на него в одной из йешив для начинающих и, в конце концов, стал религиозным человеком.

Однажды, первый раз в жизни, он решил пойти в микву, чтобы совершить омовение накануне Субботы, и, придя туда, тут же пожалел о своем благом порыве. Поскольку не мог решиться прилюдно снять с себя одежду. Объяснялось это не избытком стыдливости, а тем, что вдоль рук и ног его струисто змеились вытатуированные драконы и прочая красота, явить которую посетителям миквы парень страшно стеснялся, ибо закон Торы запрещает делать татуировки. Он был готов провалиться сквозь землю, а еще лучше снять с себя кожу вместе с одеждой.

Старик, который расшнуровывал свои туфли, сидя на соседней лавке, обратил внимание на парня, растерянно застывшего в полупущенных на полусогнутых. Увидев, в чем дело, он подошел к нему и, похлопав по плечу, сказал: "Не смущайся, сынок, бывает. Смотри: у меня, вот, тоже наколки". И, сняв рубашку, показал вытатуированные на руке... цифры концлагерного номера.

Совершенно пронзительная, по сути своей история! В одной, так сказать, экспозиции сошлись два росчерка, оставленные рабством на теле человека: лаконичная цифирная роспись рабства физического, низводящего человека до ничтожного номера, который ничего

не стоит стереть, сжечь, пустить на мыло, и рядом с ней ажурный вензель рабства духовного, со змеиным лукавством несущего личину возможности жить, как заблагорассудится.

В связи с этим на ум приходит толкование известных слов Пасхальной Агады, содержащееся в книге Тания: "В любом поколении человек каждый день должен смотреть на себя так, словно он сам сегодня вышел из Египта. И это есть исход души из заточенья тела, "змеиной кожи", чтобы соединиться со светом Бесконечного".

Концепция личного духовного Исхода может показаться парадоксальной: "Отпусти народ Мой, и они будут служить Мне!" Рабство взамен рабства? Но истинная свобода может быть достигнута лишь в подчинении Абсолюту, ибо оно освобождает человека от подчинения чему-либо земному: различным условностям, начальству, окружению. Ведь даже самый "своевольный" панк пусть-ка попробует заявиться на очередную тусовку с чиновничьим косым пробором вместо "ирокеза"!

Чтобы стать свободным, не нужно из себя, словно героическая клизма, выдавливать раба. Нужно просто выйти, сбежать из рабства. А сценарий может быть классическим: пусть сначала с воли передадут запеченный в караване вопрос "для чего я живу?", потом надо осторожно подпилить решетку скепсиса и предубежденности, связать обрывки генной памяти, детских воспоминаний (у кого есть), национальной гордости и еще чего-нибудь такого трогательного-неосознанного и, в конце концов, наперекор насмешкам и возмущению товарищей по неволе, довольных "рыбой, мясом и огурцами", сделать рывок. И - на свободу!

«Пятое измерение», № 10

Было это в 1958 году, мне к тому времени только исполнилось 16. Накануне праздника Песах в Краун-Хайтсе закончили печь последнюю партию мацы. После этого, как и каждый год, Ребе начал раздавать эту особую мацу своим хасидам. Раздача длилась несколько часов, но люди терпеливо стояли в очереди, стремясь получить мацу и вместе с ней благословение перед праздником. В первую очередь Ребе раздавал мацу тем, кто жил далеко. Я тоже получил свою мацу в числе первых (жили мы тогда в Бронксе, и путь домой предстоял не близкий). Ребе вручил мне мацу, пожелал хорошего праздника, а потом неожиданно спросил, не могу ли я по дороге домой заглянуть к одной семье (Ребе назвал их фамилию и адрес в Бронксе) и передать им тоже от его имени немного мацы. Я, полный энтузиазма и энергии, с готовностью согласился выполнить просьбу Ребе.

ХЛЕБ ВЕРЫ

Р. ШЛОМО КУНИН

Теоретически все представлялось не таким уж сложным. Но в жизни редко все складывается так, как хотелось бы. Поезд сломался на половине пути и я, выйдя из метро, вынужден был продолжить свое путешествие пешком. Я находился в центре Бронкса и, следуя по направлению к Пелхам Парквей, спрашивал прохожих, как найти нужный мне адрес. До сих пор помню, как один из них, сочувственно покачивая головой, сказал: "Сынок, тебе еще идти и идти". Праздник мне пришлось встречать в центре Бронкса, с коробкой мацы в руках.

Когда я разыскал требуемый адрес, было уже довольно поздно. Здание, в которое мне предстояло войти, оказалось государственным многоквартирным домом для малоимущих семей. Я поднялся на нужный мне этаж и постучал в дверь. Мне открыл грузный мужчина в шортах, голый по пояс и весь покрытый татуировками. "Чего надо?" – спросил он. Я извинился за столь поздний визит и спросил, он ли господин такой-то. "Да", – ответил мужчина, подозрительно глядя на коробку с мацей. За его массивной фигурой я увидел стол, на котором лежала большая буханка хлеба – не самое подходящее блюдо для пасхального сейдера. "Меня прислал Любавичский Ребе", – сказал я. Выражение лица и тон разговора мужчины мгновенно изменились. "Ребе? – переспросил он и посторонился, освобождая мне проход. – Заходите, пожалуйста".

В маленькой, тесной кухне стояли небольшой стол, стулья и электрическая плита. Меня терзала мысль о том, что же я все-таки делаю в этой квартире, хозяйка которой даже не собираются проводить пасхальный сейдер. Затем эта мысль сменилась следующей – а не для этого ли я здесь? Я спросил у своего нового знакомого, как он смотрит на то, чтобы провести сейдер. Он согласился и позвал жену. Вошла молодая беременная женщина, а за ней – две маленькие девочки лет 5-6. Присмотревшись, я понял, что обе девочки были слепыми.

Мы убрали со стола. Я снял шляпу, надел ее на голову хозяина дома и сказал: "Отлично! Теперь у нас будет сейдер!" Я попытался вспомнить благословения и тот порядок, в каком они должны следовать, но без пасхальной "Агады" это оказалось делом нелегким.

Мы ели мацу и пили воду из бумажных стаканчиков, чтобы хоть как-то исполнить заповедь о четырех бокала вина. На мгновение я представил себе, что бы на моем месте сейчас делал Ребе. Затем я посмотрел на девочек, на их мать, которая должна была, видимо, скоро родить, и начал рассказывать то, что сам в свое время слышал от Ребе. Я вспомнил, что в свете книги "Зоар" маца называется «хлебом веры», и я начал говорить с ними о вере. О том, как важно всегда верить во Всевышнего и уж тем более в самые тяжелые моменты жизни никогда не забывать о Нем. Я рассказывал о том, как три тысячи лет назад Всевышний освободил наших предков из рабства, вывел их из Египта и привел к горе Синай, где вручил им святую Тору. Я рассказал о том, что мы отмечаем праздник Песах не просто как память об историческом событии. Я привел известное изречение мудрецов о том, что "в каждом поколении каждый человек должен видеть себя выходящим из Египта", и объяснил, что каждый год, во время праздника Песах мы покидаем свой личный Египет и обретаем духовную свободу, возвышаясь над ограничениями материального мира. Я рассказал о том, что рабство бывает не только физическим, но и духовным, и оно гораздо тяжелее физического. Всевышний, однако, не взваливает на плечи человека непосильную ношу. И если Он ставит его перед испытанием, то обязательно дает силы, чтобы это испытание пройти.

Признаться, я не ожидал, что меня будут слушать с таким вниманием. Муж с женой буквально глотали каждое мое слово. Затем мы стали петь песни вместе с детьми, и время пролетело незаметно.

В час ночи мы закончили наш сейдер, женщина уложила девочек спать, а я стал собираться домой. Но прежде чем попрощаться, я спросил у хозяина дома, откуда он знает Ребе.

И он рассказал мне, что работает дубильщиком шкур на мясоперерабатывающем заводе, где познакомился с одним раввином. Несколько месяцев назад жена забеременела, а поскольку вероятность того, что ребенок может родиться слепым, довольно большая, врачи рекомендовали сделать аборт. Не зная, как быть, он поделился своими мыслями со знакомым раввином. Тот посоветовал написать Любавичскому Ребе. Он написал и получил ответ. Ребе отвечал, что необходимо верить в Б-га и что даже мысли не должно быть об аборте.

«Скажу по правде, - продолжил мой собеседник свою историю, - мы с женой отнеслись к этому письму с недоверием. Какой от нас можно требовать веры в Б-га? Неужели мы сможем поверить в лучшее? Да возможно ли такое вообще?.. Но сегодня ночью, услышав о вере и о том, как Б-г дает силы выйти из собственного Египта, мы поняли, что это возможно...»

...Я поддерживал контакт с этой семьей еще некоторое время и вскоре узнал, что женщина благополучно родила мальчика - абсолютно здорового. Потом я потерял с ними связь и лишь много лет спустя услышал, что обе девочки, повзрослев, вышли замуж и родили детей. Их дети тоже были зрячими.

Очень трудно, практически невозможно описать любовь Ребе к каждому еврею. Самое лучшее, что я могу сделать, - рассказать вам эту историю о малоимущей семье из Бронкса, об их первом пасхальном сейдере и о маце, «хлебе веры», которую Ребе велел донести до них во что бы то ни стало.

ХАСИДСКОЕ СНАДОБЬЕ

ЗЕЕВ ГОЛДИН

Его звали реб Авраам-доктор, хотя настоящим доктором он никогда не был. Он был честным, богобоязненным евреем, хасидом четырех Ребе - рабби Шнеур-Залмана из Ляд (Алтер Ребе), рабби Довбера (Мителер Ребе), рабби Менахем-Мендла (Ребе Цемах-Цедек) и рабби Шмуэля (Ребе Махараш). Сам реб Авраам имел общие медицинские познания и практиковал то, что сейчас принято называть нетрадиционной медициной.

Рабби Шмуэль однажды сказал, обращаясь к нему: «Я не особенно доверяю врачам. О большинстве болезней они не имеют ни малейшего представления. Лекарство, которое они выписывают, чтобы излечить один недуг, вызывает другой...»

«Но вы, реб Авраам, - продолжал рабби Шмуэль, - вы - совсем другое дело. Допустим, кто-то приходит к вам с жалобой на здоровье, а у вас нет даже идеи, как ему можно помочь. Что тогда?.. Кое-что у вас все равно имеется!.. Когда вы сидите за столом и в раздумьи поглаживаете бороду, поверьте мне - это помогает больше, чем любые таблетки и микстуры! Борода олицетворяет Б-жественный атрибут Арих,¹ а из букв слова Арих можно составить стих «Ани Ашем Рофехо» («...Я - Б-г, Твой Целитель...»). И вот это помогает по-настоящему!..»

***

Еще будучи хасидом Алтер Ребе, реб Авраам практиковал «хасидское лечение». Каждый год, после праздника Песах ему привозили или присылали из Ляд (сам он жил в Риге) уникальную посылку. Там находились остатки мацы, над которой Ребе произносил благословения во время пасхального сейдера. Реб Авраам перемалывал их и добавлял затем полученный порошок в изготовленные им лекарства. Со знахарством, упаси Б-г, это не имело ничего общего. Реб Авраам просто следовал учению Ребе о том, что «маца первого пасхального вечера называется «хлебом веры», а маца второго пасхального вечера называется «хлебом здоровья».

Однажды реб Авраама вызвали к больному, который казался безнадежным. Даже лечащий врач, авторитет в медицине, с чьим мнением считались все его коллеги, отчаялся помочь. Реб Авраам, не особенно долго размышляя, прописал порошок, в который была «подмешана» перемолотая маца Ребе, после чего здоровье больного пошло на поправку.

Лечащий врач, став свидетелем чуда, попросил реб Авраама раскрыть ему секрет исцеления. Зная, что его коллега человек порядочный и честный, реб Авраам рассказал о своей практике.

Прошли годы. В 5559 (1798) г. Алтер Ребе в результате доноса был обвинен в государственной измене и заточен в Петропавловскую крепость (причиной тому послужил донос, в котором призыв к евреям оказывать денежную помощь своим братьям в Эрец-Исраэль был интерпретирован как помощь враждебной Турции). На одном из этапов следствия дело, содержащее протоколы допросов Ребе, было направлено в Ригу одному из крупных чиновников. В качестве свидетеля, помимо прочих, был вызван и тот самый врач, на глазах у которого произошло чудо исцеления. «Свидетельствую, что обвиняемый - честный человек», - твердо заявил он, и к его мнению прислушались...

Использованы материалы из книги «Шмуос Весипурум» р. Рефозль-Нахмана Кагана и «Сипурей Хасидим» р. Шломо-Йосефа Зевина

¹Букв. «Протяженный Лик»; трансцендентный уровень Б-жественности, не облакающийся в сотворенные миры, но непосредственно соприкасающийся с ними.

Отравленный заговор

Д-Р ШЛОМО РОЗЕНОЕР

Д

алеко не все приближенные египетского султана Саладина были счастливы, когда великий Рамбам стал личным врачом правителя. Особенно беспокоил этот вопрос лекаря Хакима, который занимал этот пост прежде, а теперь отошел на второй план. На его попечении остались теперь лишь придворные и дальние родственники Саладина. В глазах Хакима это было настоящим унижением, и мстительный мусульманин затаил обиду.

С тех пор, как Рамбам поселился в Фостате, слава о его необычайных способностях как врача разнеслась с невероятной быстротой. В глазах евреев он был, прежде всего, величайшим знатоком Торы и Талмуда, но для неевреев он был в первую очередь самым прославленным из врачей. Толпы людей, богатых и бедных, стекались к нему в надежде на исцеление, и последних он лечил бесплатно - независимо от того, принадлежали они к народу Израиля или нет.

Чем больше росла известность Рамбама, тем меньше все помнили о враче-мусульманине. Глубокая ненависть и зависть к своему сопернику-еврею переполняла сердце Хакима. Он начал строить коварные планы, надеясь опорочить Рамбама в глазах султана и погубить его.

Однажды Хаким появился перед Саладином и сообщил ему, что раскрыл заговор, имевший целью отравить владыку, - и ни кто иной как Рамбам стоит во главе этого заговора.

Султан побледнел от страха, но все же не поверил, что его близкий друг и личный врач способен на это.

- Если ты представишь доказательства своей правоты, я прикажу обезглавить Моше, - сказал Саладин, - но если ты не сможешь этого сделать, заплатишь своей собственной головой!

- Я могу это доказать, - ответил Хаким, - и вот как. Нам, медикам, прекрасно известно, что смертельный яд может быть обезврежен еще более сильным ядом. Пусть султан прикажет каждому из нас приготовить сильнейший из всех известных нам ядов. Если случится, что в пищу владыки будет подмешана отравка, у нас будет заготовлен на этот случай более сильный яд, он же - противоядие, которое спасет жизнь султана.

- Пожалуй, это неплохая идея, - согласился Саладин, - но как я узнаю, чей яд сильнее? И где доказательство тому, что Моше планирует покушение на мою жизнь?

- Все очень просто. Каждый из нас принесет приготовленный им яд. Я с радостью выпью отраву еврея, а затем свою собственную, и вы увидите, что со мной ровно ничего не произойдет. Пусть затем сделает то же самое еврей, то есть выпьет сначала мой яд, а затем свой. Он, несомненно, умрет, и тем самым будет доказано, что этот человек готовил покушение на жизнь вашего величества.

- Я потеряю одного из вас, - задумался султан, - но зато буду знать наверняка, кому можно верить, а это стоит того!..

На следующий день властитель приказал обоим врачам предстать перед ним.

- Мои дорогие лекари, - начал он, - прошлой ночью мне во сне явился пророк и сказал, что один из вас собирает меня отравить, но не уточнил, кто именно. Не надо оправдываться передо мной, я знаю, что вы оба будете отрицать это. Но я должен отнестись к этому предостережению серьезно. Можете ли вы изготовить для меня снадобье, которое обезвредит любой яд в мире?

- Да, ваше величество! - в один голос воскликнули оба.

- Прекрасно, но я должен знать, чье средство будет наиболее сильным. Придется нам провести небольшой эксперимент: завтра каждый из вас должен будет принести приготовленное им зелье. Мы разделим их на две равные части, и каждый из вас выпьет сначала яд, приготовленный другим, а затем - свой собственный...

- Но ведь это значит, что я обрекаю другого человека на верную смерть! - сказал Рамбам.

- Похоже, мой соперник просто пытается выйти из игры, - поспешно отозвался Хаким. - Я ничуть не возражаю против испытания. Я буду только счастлив принять его отраву и доказать вам, что мой яд ее полностью обезвредит.

- Я доволен тем, что вы оба так уверены в себе, - сказал Саладин.

- Это будет честная борьба. Итак, мы обо всем договорились. Жду вас завтра в полдень.

Рамбам в задумчивости вышел из дворца. Ему совсем не понравилась довольная усмешка Хакима. Похоже, тот что-то замыслил...

Он продолжал размышлять об этом, держа путь к своему дому верхом на осле. Хакиму, надо полагать, известно, что он, Рамбам, может приготовить более сильный яд, и все же этот человек отважился пойти на испытание... Наверняка он готовит какой-то обман. Но что он может придумать?

Когда Рамбам вошел в свой дом, он увидел, что, как обычно, его приемная полна посетителей. Среди них были и пациенты, и главы общин, и знатоки Торы, пришедшие к нему, чтобы он объяснил им трудные места из Талмуда. Быстро перекусив, Рамбам начал прием и закончил его, когда солнце уже склонялось к горизонту. Помолвившись и посидев некоторое время над святыми книгами, он, уже за полночь, совершенно обессиленный, лег спать.

Во время такого насыщенного дня у него совершенно не было времени обдумать то, что должно было завтра произойти во дворце султана. Лежа в кровати, он долго не мог заснуть: ему не давала покоя усмешка Хакима. И вдруг его осенило. Словно кто-то развернул перед ним во всех подробностях коварный план завистника. Все стало на свои места. Успокоенный, Рамбам, наконец, уснул.

На следующее утро он поднялся рано, произнес утреннюю молитву и некоторое время посвятил изучению Торы. После этого Рамбам съел легкий завтрак и приступил к изготовлению яда. Для этого ему не понадобилось даже подниматься в свою лабораторию. Рамбам взял немного красного вина, смешал его со сладкой водой, налил в склянку и плотно закупорил ее пробкой. «Смертоносное зелье» было готово.

Когда Рамбам явился к Саладину, Хаким уже был там, и, судя по всему, с нетерпением ожидал начала испытания. По знаку султана Рамбам и Хаким вылили половину того, что принесли, в пустые склянки, захваченные для этой цели из дому, и обменялись ими.

- Ты первый, Хаким, - приказал султан.

Тот одним глотком проглотил состав, приготовленный Рамбамом, а затем - и свой собственный. Ничего не произошло. Хаким продолжал твердо стоять на ногах, насмешливо глядя на соперника.

- Теперь твоя очередь, Моше, - сказал Саладин.

Рамбам также сначала выпил зелье, составленное его соперником, а затем - свое.

В течение нескольких мгновений стояла тишина. Вдруг Хаким закричал, упал на пол, забился в конвульсиях - и бездыханный замер.

- Мой дорогой Моше! - воскликнул султан. - Я рад, что для тебя все кончилось благополучно. Ни на минуту я не сомневался, что твои познания в медицине недостижимы для остальных врачей. Что касается этого мерзавца, мне всегда были не по душе его интриги, и я очень рад, что ты отправил его на тот свет.

- Но я не убивал его! Он пал жертвой собственного коварства, - ответил Рамбам.

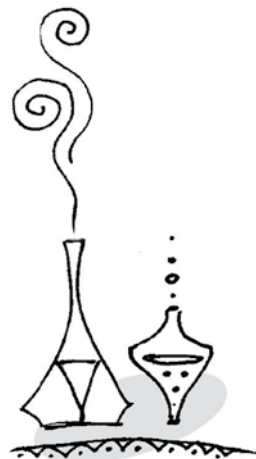
- Не понимаю, - заявил Саладин.

- Позвольте все вам объяснить. Хаким знал, что я могу приготовить более сильный яд, и замыслил коварный план: дома, прежде чем явиться во дворец, он принял медленно действующий яд, а сюда принес безвредный состав. Рассчитывал он на то, что, выпив мой более сильный яд, который, как он думал, я принесу, он излечится от медленно действующего яда, принятого им дома. И тогда он выпьет свою собственную безвредную смесь и будет совершенно здоров. С другой стороны, он рассчитывал, что я выпью его безвредную смесь, а затем свой собственный сильный яд, - и умру...

- Подлая собака! - воскликнул султан. - Но что же произошло на самом деле?

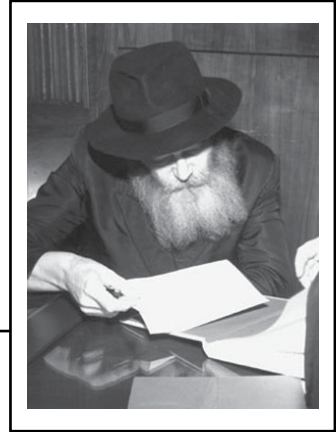
- Разгадав его план, я тоже приготовил безвредную смесь...

- Моше, - произнес султан, с восхищением глядя на Рамбама, - ты не только великий врач! Ты - мудрейший из всех людей. И отныне я назначаю тебя моим советником!..

Легенда о ДИНОЗАВРАХ

ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ ТЕОРИИ ЭВОЛЮЦИИ

С Б-жьей помощью
18 Тевета, 5722 (1962) г.
Бруклин, Нью-Йорк
Мир и благословение!

От Вас долгое время ничего не было слышно. И вот, наконец, студенты любавичской йешивы которые не так давно посетили вашу общину, передали мне от Вас привет, что меня чрезвычайно обрадовало. Мне также было приятно узнать о том, что Вы участвовали в дебатах. Однако, меня весьма удивило, что Вы все еще обеспокоены проблемой возраста вселенной и мнением различных научных теорий, которые не согласны с мнением Торы о том, что миру уже 5722 года. Я не случайно подчеркнул слово «теории». Ведь наука, - и это обязательно нужно учитывать, - имеет дело прежде всего с теориями и гипотезами, в то время, как Тора – с абсолютной истиной. Одним словом, существуют как бы две дисциплины, между которыми нет «согласованности» в данном вопросе.

Меня особенно удивило, - во всяком случае, так мне передали, - что Вы обеспокоены упомянутой «проблемой» настолько, что это мешает Вам вести настоящую еврейскую жизнь и исполнять заповеди Торы. Я искренне надеюсь, что впечатление это ошибочно.

Вы знаете, что основной принцип еврейского образа жизни – «Наасэ Венишма» («Исполним и выслушаем»). Сначала – исполним, а затем – выслушаем. Это означает, что еврей обязан исполнять Б-жественные предписания даже в том случае, если он не может постичь и объяснить их интеллектуально. Иначе говоря, непонимание того или иного предписания и даже наличие «вполне законных» сомнений не оправдывает пренебрежения Б-жественными заповедями. И уж тем более это так, если сомнения не имеют никаких «законных» оснований, как, например, в случае с Вашей так называемой «проблемой».

Совершенно очевидно, что наша давняя беседа, о которой Вы до сих пор не забыли, не прояснила для Вас этот вопрос. Я попытаюсь снова ее повторить, на этот раз – в письменном виде, что, конечно же, не допускает долгих обсуждений. Но я уверен, что все нижеизложенное послужит нашей истинной цели.

Ваша «проблема» ошибочна уже в самом ее корне – в том, что вы применяете к ней научный подход, таким образом неверно определяя, что такое наука. Необходимо сразу же провести черту между экспериментальной наукой, которая опирается на описание и классификацию наблюдаемого явления, и спекулятивной наукой, которая использует в качестве фак-

тов неопознанные явления, порой и такие, которые невозможно подтвердить в лабораторных условиях. Сам термин «научная спекуляция» звучит нелепо, поскольку слово «наука» буквально означает «знание», и ни одна спекуляция не может быть названа знанием в самом строгом смысле этого слова. В лучшем случае, наука может сделать некоторые предположения, основываясь при этом на установленных фактах, а затем распространить эти предположения на еще не исследованные с помощью опыта ситуации.

У науки есть два общих подхода в определении выводов:

1) Метод интерполяции, посредством которого, зная реакцию того или иного явления при двух крайних условиях, мы пытаемся заключить, какой может быть эта реакция в любой другой точке между этими двумя «крайностями».

2) Метод экстраполяции, посредством которого мы распространяем на явление, которое находится вне исследуемого диапазона, знание, полученное внутри этого диапазона. Предположим, мы знаем, как ведет себя определенный элемент внутри температурного диапазона от нуля до ста градусов, и на основе этого знания мы рассчитываем, каким может быть его поведение при температуре 101, 200 или 2000 градусов.

Из этих двух методов второй – наиболее ненадежный. И ненадежность эта растет по мере увеличения диапазона. Получается, что если величина диапазона колеблется между 0 и 100, то заключение, сделанное относительно уровня 101, более вероятно, чем заключение, сделанное относительно уровня 1001.

Следует заметить раз и навсегда, что все научные спекуляции, касающиеся возраста мира, возникают в результате использования второго, более слабого метода – экстраполяции. Слабость эта становится еще более очевидной, если учитывать, что обобщение, выведенное из следствий и распространяемое на неизвестные причины, является догадкой в большей степени, чем выводом от причины к следствию. Это легко можно проиллюстрировать примером.

Если четыре разделить на два, в результате получится два. Причина здесь – делимое и делитель, а следствие – частное. Знание причины в данном случае дает нам один возможный результат – число два.

Если же мы знаем лишь следствие, а именно – число два, и задаемся вопросом “Каким образом можем мы получить это число?”, предположить можно несколько вариантов ответа: один прибавить один – это два; четыре отнять два – это два; один умножить на два – это два; четыре разделить на два – это два. Заметьте, как растет количество вариантов, если в игру вступают другие числа: пять отнять три – это два; шесть отнять четыре – это два и т.д. до бесконечности.

Добавьте к этому еще одну трудность, которая доминирует во всех методах индукции. Выводы, сделанные на основе известных данных, являются по своей природе пространственными. То есть, будучи распространенными на область неизвестного, они имеют какую-то силу лишь при наличии “всех прочих равных условий”. Иначе говоря – при сохранении существующих условий во время наблюдений, на основе которых строятся гипотезы, и при сохранении этими условиями действий и противодействий, оказываемых ими друг на друга. Если мы не уверены, что варианты или изменения этих условий в той ситуации, на которую мы пытаемся распространить теорию, будут хотя бы как-то соответствовать по своим значениям существующим при наблюдениях переменным; если мы не уверены, что изменения будут хоть как-то схожи по своему характеру; более того, если мы не уверены, что не существуют еще какие-нибудь факторы, - подобные выводы абсолютно ничего не стоят.

В качестве примера укажу на одну деталь, о которой я уже упоминал во время нашей беседы. Возьмем любую химическую реакцию, при этом неважно – расщепляющую или соединительную. Введение нового катализатора в данном случае, пусть даже в минимальном количестве, может изменить всю скорость и форму химической реакции, либо послужить причиной для начала нового химического процесса.

Однако, мы еще не закончили с трудностями, присущими всем так называемым “научным” теориям о происхождении мира. вспомните – все здание науки построено на основе наблюдений за реакцией и процессами в поведе-

нии атомов в данном, теперешнем состоянии. Ученые имеют дело со скоплениями миллиардов атомов, поскольку они уже объединены и связаны с другими существующими скоплениями атомов. Ученые мало что знают об атомах в их первоначальном состоянии, о том, как отдельный атом реагирует на другой отдельный атом. Еще меньше они знают о том, как частицы, из которых состоит один отдельный атом, реагируют на частицы того же или другого отдельного атома. В одном ученые твердо уверены – реакция одного отдельного атома на другой отдельный атом полностью отличается от реакции одного скопления атомов на другое скопление.

Теперь мы сможем ясно увидеть, насколько слабой и, более того, беспомощной выглядят так называемые научные теории о происхождении и возрасте нашей вселенной.

1) Эти теории были выдвинуты на основе данных, полученных за сравнительно короткий период времени – всего лишь несколько декад и уж во всяком случае не более чем пару столетий.

2) На основе такого малого диапазона имеющихся (но никоим образом не совершенных) данных ученые пытаются выстроить теории при помощи ненадежного метода экстраполяции, - от следствия к причине, - прибавляя к возрасту вселенной миллионы и даже миллиарды лет!

3) Выдвигая подобные теории, они полностью игнорируют факторы, которые приняты всеми учеными, а именно, что в первичной стадии “рождения” вселенной температура, атмосферное давление, уровень радиации и множество других условий абсолютно отличались от ныне существующих.

4) Ученые сейчас пришли к единому мнению, что в первичной стадии “рождения” вселенной существовало множество радиоактивных элементов, которые сейчас уже не существуют или существуют, но в чрезвычайно малом количестве. О некоторых из них известно, что они обладают мощной разрушительной силой даже в минимальных количествах.

5) Формация вселенной мира согласно всем этим теориям началась с процесса соединения отдельных атомов или их компонентов

в конгломераты и консолидации, что включало совершенно неизвестные процессы и переменные.

Короче говоря, “научные” теории о происхождении космоса и пытающиеся определить его возраст с самого начала (по общему признаку самих ученых) – слабейшие из слабых.

Нет ничего удивительного в том (и это, между прочим, одно из явных противоречий подобных теорий), что различные “научные” теории, обсуждающие возраст вселенной, не только противоречат одна другой, но некоторые из них совершенно несовместимы друг с другом и даже взаимоисключаемы – максимальный возраст мира согласно одной теории меньше минимального возраста мира согласно другой теории.

Тот, кто слепо принимает на веру одну из таких теорий, может прийти к ошибочным и непоследовательным выводам.

Возьмем, к примеру, так называемую теорию эволюции, которая построена на гипотезе о том, что вселенная образовалась из уже существующих атомов и элементарных частиц, которые в процессе эволюции объединились и сформировали физическую вселенную и нашу планету, после чего на ней каким-то образом появилась органическая жизнь. Этот процесс продолжался до тех пор, пока на свет не появился *homo sapiens*.

Трудно понять, почему человек с легкостью принимает создание атомных и элементарных частиц в том их состоянии, которое по общему мнению неизвестно и непостижимо, но в то же самое время отвергает создание планет, организмов или человеческих существ, в том виде, в котором они существуют сейчас.

Аргумент о раскопках, в результате которых обнаружены окаменелости, никоим образом не является убедительным доказательством о древнем происхождении нашего мира по следующим причинам:

1) В связи с тем, что условия “предысторического” периода, - атмосферное давление, температура, неизвестные катализаторы и т.д., и т.п. (как это уже было упомянуто выше), - из-за которых могли произойти изменения в природе той эпохи, полностью отличались от нынешних, влияющих на

тепершний естественный ход событий, нельзя исключать возможность того, что найденным останкам динозавров всего 5722 года, а окаменеть они могли в результате разрушительных природных катаклизмов в течении нескольких лет... Так или иначе, обстоятельства эти неизвестны, и у нас нет приемлемых критериев, по которым можно было бы произвести необходимые расчеты.

2) Даже если предположить, что период времени, который Тора допускает, определяя возраст мира, слишком мал в сравнении с возрастом окаменелостей (хотя я не понимаю, как можно столь категорично это утверждать), нельзя исключить возможность того, что Всевышний (по известной лишь Ему причине) создал уже готовые ископаемые остатки организмов, - кости и скелеты, - как Он создал уже завершённые живые организмы, совершенного человека и такие готовые вещества, как нефть, уголь и алмазы. Все это – безо всякого процесса эволюции.

Можно возразить: "Допустим, все описанное во втором пункте, - правда. Почему же тогда Б-г вначале создал окаменелости?" Ответ прост – нам не дано знать, почему Всевышний избрал именно такой путь творения мира, а не какой-либо другой; и какая бы теория о создании вселенной ни была принята, вопрос этот останется без ответа. Вопрос "Для чего сотворять окаменелости?" ничем не лучше вопроса "Для чего сотворять атомы?" Такой вопрос не может служить веским аргументом и уж тем более – логическим обоснованием теории эволюции.

Есть ли научная основа для того, чтобы ограничивать процесс сотворения мира одним лишь процессом эволюции, которая начинается, - по мнению эволюционистов, - с образования вселенной из атомных и элементарных частиц? Теория эта полна пробелов и необъяснимых противоречий, но в то же время она исключает возможность творения согласно мнению Торы. И это понятно. Ведь если точка зрения Торы будет открыто признана, все трудности решатся и на все вопросы найдутся ответы, а все измышления по поводу происхождения и возраста мира окажутся бесполезными и не будут иметь ни малейшего отношения к делу.

Совершенно ясно, что вопрос "Почему же Всевышний создал готовую вселенную, если достаточно было создать соответствующее число атомов и элементарных частиц, которые, благодаря способности самоорганизации и последующей эволюции, создали бы существующий ныне космический порядок?" абсурден. Нелепость подобного возражения еще более очевидна, когда построенная на ее основе неустойчивая теория считается построенной на твердых и неоспоримых аргументах, исключающих все остальные возможности.

Можно спросить: "Если все теории, объясняющие происхождение и возраст мира, настолько слабы, почему же они занимают такое ведущее место в науке?" Но такова природа человека – пытаться найти объяснение всему, что его окружает. В такие моменты любая теория, даже натянутая и полная противоречий, лучше, чем ничего – во всяком случае, пока не найдется что-то более правдоподобное.

Сейчас Вы можете задать вопрос: "Если нет твердого мнения о происхождении и возрасте мира, почему тогда ученые не принимают точку зрения Торы?" Ответ, опять же, лежит в понимании природы человека. Человек (так диктует ему честолюбие) постоянно стремится быть изобретательным и оригинальным. Соглашаясь с библейским подходом, он (так ему кажется) лишает себя возможности продемонстрировать свою изобретательность и умение мыслить аналитически. Поэтому, отрицая мнение Торы, он должен найти разумное «оправдание» своему поступку. И, таким образом, рассказ Торы о сотворении мира рассматривается как древний, примитивный миф или нечто подобное. И все потому, что – из-за отсутствия научных оснований – ему нечем по-настоящему аргументировать свою позицию.

Если Вас все еще беспокоит теория эволюции, могу смело сказать, безо всякой боязни внести противоречия, что нет ни малейшего доказательства, которое смогло бы поддержать эту теорию. Наоборот, на протяжении многих лет поисков и исследований с тех пор, как теория эта была выдвинута, был проведен

ряд наблюдений за определенными видами животной и растительной природы, чья продолжительность жизни чрезвычайно коротка. Наблюдения проводились за тысячами поколений этих видов, но не был засвидетельствован ни один факт мутации из одного вида в другой, и тем более – из растения в животное. Следовательно, такой теории не место среди естественных наук.

Теория эволюции, о которой мы сейчас говорили, действительно не имеет ни малейшего отношения к рассказу Торы о творении. И даже если бы эта теория подтвердилась, и мутация видов была бы доказана путем лабораторных опытов, нельзя было бы отвергать возможность, - которая куда вероятнее, чем теория эволюции, - сотворения мира согласно Торе.

Я вынужден был изложить суть теории эволюции только для того, чтобы продемонстрировать ее несостоятельность и псевдонаучность, которые способны пленить воображение несведущего. И это усугубляется еще тем, что теория эволюции преподносится в качестве "научного" объяснения таинства творения вопреки тому факту, что сама по себе она не имеет никакой научной основы.

Нет нужды добавлять, что я не собираюсь очернять науку или отрицать научный подход. Просто наука не может работать, предварительно не выдвинув определенные рабочие теории и гипотезы, пусть даже не подтвержденные. Хотя случается довольно часто, что такие теории, даже если они опровергнуты, умирают с трудом (теория эволюции – одна из них).

Технический прогресс не был бы возможен без общепринятых определенных физических "законов", несмотря на то, что нет никакой гарантии, что "закон" этот будет всегда повторяться. Однако, я хочу подчеркнуть, - как уже было сказано, - что наука имеет дело только с теориями, а не с неоспоримыми фактами. Все научные заключения или обобщения могут быть в большей или меньшей степени вероятны в соответствии с предосторожностью в вынесении какого-либо заключения согласно имеющимся результатам опыта. Вероятность эта неизбежно падает с удалением от имеющихся результатов или с увеличением

неизвестных переменных... Серьезно изучив все вышесказанное, Вы признаете, что не может быть никакого конфликта между любой научной теорией и Торой.

Мои заметки оказались более продолжительными, чем я сам ожидал. И все же они слишком кратки, если учесть, сколько еще людей сбито с толку подобными псевдонаучными теориями и заблуждениями. Кроме того, я вынужден был ограничиться лишь общими замечаниями, так как сейчас – не время и не место для того, чтобы рассматривать этот вопрос подробно. Если у Вас есть еще какие-либо вопросы, смело пишите мне об этом.

Хотелось бы закончить это письмо замечанием, касающимся нашей с Вами беседы.

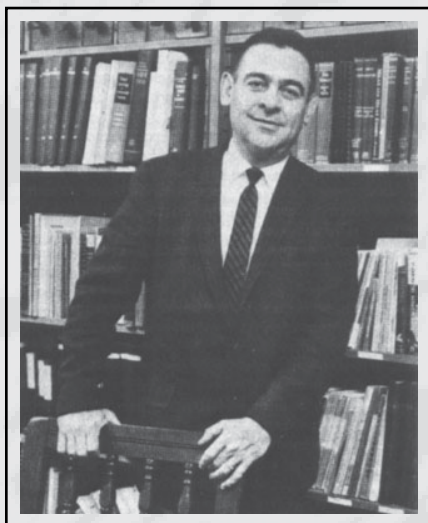
Существует заповедь Торы о том, что необходимо каждый будний день накладывать тфиллин – на руку (напротив сердца – источника чувств) и на голову (вместилище разума). Исполнением этой заповеди еврей выражает истинный еврейский подход ко всему, что связано с Б-жественной волей: сначала – исполнить заповедь от всего сердца (на это указывает рука – орудие действия) и лишь только затем пытаться постичь ее интеллектуально (на это указывает голова – вместилище разума). Таким образом, этой заповедью выражается основной принцип учения иудаизма – “Наасэ Венишма” (“Исполним и выслушаем”).

Пусть же этот подход станет неотъемлемой частью Вашей интеллектуальной деятельности и пробудит необходимые эмоциональные силы, которые найдут свое выражение в каждом аспекте Вашей повседневной жизни, ибо, как говорят наши мудрецы: “Главное – дело”.

С благословением
М.М. Шнейерсон

Теория и эволюция профессора ГРИНА

МЕНАХЕМ БЫСТРИЦКИЙ

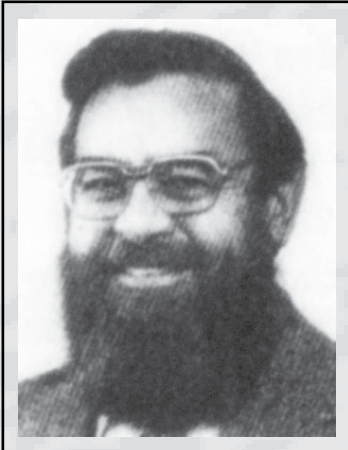
проф. Вильям Грин

В 1963 году на небосклоне науки появилась новая восходящая звезда – профессор университета в Миннесоте Вильям Грин. Он был заслуженно признан пионером в своей области – бактериологии, – и руководители НАСА даже пригласили его присоединиться к избранной группе ученых, исследующих возможные эффекты космических полетов на биологическую жизнь человека. Лекции на семинарах и симпозиумах стали для молодого профессора неотъемлемой частью жизни. Ежегодно он посещал десятки университетов Америки.

1963 год стал годом духовного рождения профессора Грина. В этом году

он впервые встретился с раввином Моше Феллером, посланником Любавичского Ребе в Миннеаполисе. До этой встречи профессор Велвел Грин и его жена, как и многие ассимилированные евреи их поколения, практически ничего не знали о своем еврейском наследии. Они что-то слышали о субботе, о законах кашрута, о тфиллин, но все это выглядело древним, примитивным и уж, конечно, не имело никакого отношения к современной жизни с набирающим силу и рост научно-техническим прогрессом.

Знакомство с семьей Феллеров в корне изменило взгляды семьи Гринов. Они увидели, что жизнь молодой еврейской пары наполнена смыслом. Во всем, что они делали, чувствовалась уверенность и твердость принципов. Несмотря на известность и высокое положение в обществе, профессор Грин все же ощущал некую духовную пустоту. После знакомства с раввином Феллером он понял, что нашел то, что искал. Для него открылся новый мир, и он стал постепенно возвращаться к вере своих отцов.

проф. Велвел Грин

Раввин Феллер много раз упоминал профессору имя Любавичского Ребе Менахема-Мендла Шнеерсона и однажды посоветовал написать ему, рассказать о себе, о своей жизни и попросить благословения для всей семьи. Профессор с готовностью согласился. Ответ не заставил себя долго ждать. Ребе с большой теплотой и любовью писал о том, что рад возвращению профессора Грина на путь Торы и заповедей, и благословлял его на успех.

Между профессором и Ребе завязалась переписка. Молодой ученый был поражен эрудицией Ребе, его мудростью и еще больше – безграничной любовью к каждому еврею. Каждое письмо Ребе вдохновляло профессора, и все больше и больше он убеждался, что выбрал в жизни верную дорогу. Постепенно профессор Грин с женой сделали свою кухню кошерной и стали соблюдать субботу так, как того требует Тора.

Как-то раз, во время очередной беседы профессора с раввином Феллером всплыл вопрос о сотворении мира и теории эволюции. Здесь профессор словно преобразился. “Раввин Феллер, послушайте, – произнес он с легкой насмешкой в голосе, – вы знаете, как я уважаю Тору и стараюсь вести жизнь согласно ее учениям и законам. Что касается данного вопроса... Извините, конечно, но я считаю, что здесь вы все еще блуждаете в потемках средневековья. Меня удивляет,

насколько буквально вы понимаете историю о шести днях творения, несмотря на то, что ученые уже давно открыли возраст Вселенной и проследили за ее развитием с самого первого дня ее возникновения!”

“Скажу честно, профессор, – ответил раввин Феллер, – мои научные знания крайне ограничены. На вашем уровне обсуждать такие вопросы я не смогу. Но мне довелось читать письмо Ребе на эту тему, где он довольно подробно и убедительно доказывает, что теория эволюции на самом деле не больше, чем теория, к тому же полна противоречий и не имеет никакой научной основы”.

Услышав такое, профессор на время потерял дар речи. “Но с теорией эволюции согласен любой серьезный ученый! – чуть ли не закричал он и добавил уже более спокойным тоном: – Хотя покажите мне это письмо. Любопытно взглянуть, что пишет Ребе”.

Прочитав письмо, профессор Грин остался при своем мнении. На все его возражения раввин Феллер снова ответил, что не считает себя достаточно компетентным обсуждать вопросы науки с квалифицированным ученым. “Почему бы вам не написать Ребе?” – предложил он.

Профессор ухватился за эту идею и составил подробное письмо, в котором подверг критике все аргументы Ребе...

...“Из уважения к Ребе, – вспоминает профессор, – я решил говорить с ним на равных, оставив в стороне вежливо-снисходительный тон, какого придерживаются ученые в беседе с людьми несведущими, и обращался к Ребе как к своему коллеге, с точкой зрения которого я категорически не согласен. Я довольно прямо заявил, что Ребе неправ, и что его аргументы ошибочны и совершенно ненаучны. Письмо свое я завершил рядом полуироничных высказываний о том, что Ребе лучше демонстрировать эрудицию в той области, в которой он является специалистом: в Торе и еврейской истории, а науку оставить ученым...”

...Вскоре прибыл ответ. Ребе снова писал о том, как он рад духовным достижениям профессора Грина, о Торе и заповедях, но ни слова о теории эволюции. Профессор предположил, что Ребе признал ошибочными свои прежние взгляды и согласился с тем, что Тора все же должна следовать за современной наукой. Удовлетворенный своей победой молодой ученый счел этот вопрос закрытым.

Профессор Грин продолжал изучать Тору и еврейские законы. В его духовном развитии наблюдались все больший и больший прогресс. На протяжении полутора лет он сообщал Ребе о каждом новом жизненном этапе: о соблюдении субботы, законов чистоты семейной жизни и т.д. Ребе вдохновлял профессора и давал свои благословения, а однажды даже передал ему в подарок пару тфиллин, которые профессор Грин начал надевать каждый будний день.

Прошло еще немного времени, и профессор отправил Ребе письмо, в котором сообщал, что они с женой после очередного семейного совета решили отдать своих детей в йешиву, чтобы те смогли получить настоящее еврейское образование. Это событие стало поворотным моментом в их жизни, и ответное письмо Ребе было наполнено особой радостью, теплотой и любовью. Ребе просил не останавливаться на достигнутом и благословлял всю семью профессора многими благословениями.

В конце письма шла приписка: “Теперь что касается вашего письма о взглядах Торы на возникновение Вселенной...” И далее пункт за пунктом Ребе опровергал точку зрения своего собеседника, не оставляя и камня на камне от его “твердых”, научно обоснованных убеждений.

“Вы, должно быть, удивлены, почему я так долго ждал, прежде чем ответить на ваше письмо, касающееся данного вопроса, – завершал Ребе свой ответ. – Дело в том, что побеждать в спорах – не моя профессия. Моя работа заключается в том, чтобы приближать евреев к Торе и ее заповедям...”

* Два письма Любавичского Ребе о несостоятельности теории эволюции в настоящее время опубликованы в сборнике его писем на английском языке “Letters from the Rebbe” (1 т., письма № 92 и 98), изд-во “Оцар Сифрей Любавич”, 1998 г

Вознесение РУК

Как мы уже говорили в прошлом номере, сон называется «одной шестидесятой частью смерти». Согласно Торе, мертвое тело представляет собой главный источник ритуальной нечистоты, законам о которой посвящена существенная часть Талмуда. С точки зрения Каббалы, нечистота мертвого тела вызвана тем обстоятельством, что когда душа, не дай Б-г, навсегда оставляет тело, оно тут же заполняется духовными силами скверны (как говорит пословица: «Свято место пусто не бывает»). Нечто подобное происходит и во время сна, хотя при пробуждении душа – слава Б-гу! – возвращается в тело, и духовная нечистота, заполнявшая его в течение сна, вынуждена отступить. Однако непосредственно после пробуждения она не исчезает полностью, а остается на кистях рук (сосредоточившись в основном на кончиках пальцев), и, чтобы избавиться от нее, необходимо совершить омовение рук.

Проснувшись, запрещено проходить более четырех локтей (1.92м), не совершив омовения рук. Запрещено ими касаться глаз, рта и т.д., а также пищи и одежды. Поэтому перед сном следует поставить около постели кружку с водой (негельвассер на идиш) и сосуд, чтобы омыть над ним руки сразу же по пробуждении, не вставая с постели и даже не спуская с нее ног. Делается это так: берут кружку правой рукой, затем передают ее в левую, после чего льют воду на кисть правой руки, берут кружку правой рукой и льют на кисть левой. Все это следует повторить троекратно. Благословения при этом не произносятся. Затем одеваются, отправляют естественные надобности, а затем снова омывают руки таким же образом, как описано выше, но стараясь при этом не касаться кружки мокрой рукой (для этого берут кружку через полотенце). После этого руки вытирают и произносят следующее благословение:

БОРУХ АТО АДЭЙ-НОЙ ЭЛО-ХЭЙНУ МЭЛЭХ ХОЭЙЛОМ АШЕР КИДЕ-ШОНУ БЭМИЦВЭЙСЭЙВ ВЕЦИВОНУ АЛ НЕТИЛАС ЙОДОЙИМ

(«Благословен ты, Господь, Б-г наш, Владыка вселенной, освятивший нас своими заповедями и давший нам повеление об омовении рук!»)

Вода после первого омовения рук представляет собой крайне вредное вещество. Восприняв ритуальную нечистоту, она сама становится ритуально нечистой. Эту воду надо как можно скорее вылить, но только не в том месте, где ходят люди.

Небезызвестный Моше Мендельсон, основоположник реформизма, однажды, будучи ребенком, случайно выпил такую воду. Физически он остался цел и невредим, но ущерб был нанесен его душе и разуму.

Есть и другие причины, по которым Всевышний посредством наших мудрецов заповедал нам совершать омовение рук. Проснувшись, мы начинаем новый день служения Всевышнему, подобно коганам (священнослужителям) в Храме. Они начинали служение с омовения не только рук, но и ног. В то же время все евреи называются «коганим», как сказано о еврейском народе: «Царство священнослужителей и народ святой».

Обычно «омовение» на древнееврейском языке звучит как «рхица». В данном случае употребляется термин «нетилат ядаим», более точный перевод которого – «вознесение», «возвышение рук». В этом кроется намек на то, что мы намерены вознести наши руки – а также все плоды их деятельности – к Всевышнему, нашему Б-гу.

Подготовил д-р Ш. РОЗЕНОЕР

ПРАВЕДНИК

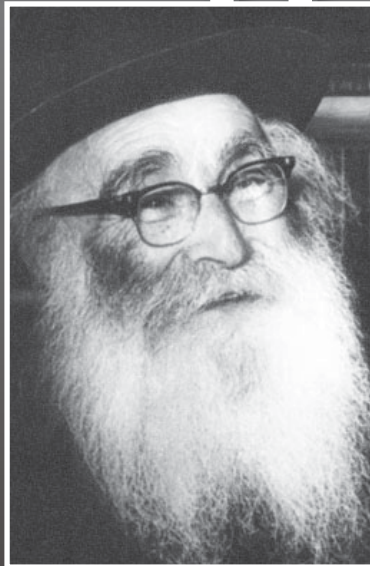
Часть первая

ОТЕЦ ЗАКЛЮЧЕННЫХ И ПРОКАЖЕННЫХ

Родился рабби Арье Левин в 1885 году в местечке Урла, неподалеку от Белостока. Отучившись поочередно в хедере, талмуд-Торе и йешиве, рабби Левин в двадцать лет решился на нелегкое путешествие из Польши в Священную Землю. Он благополучно добрался до Эрец-Исроэль, вскоре женился, а затем получил звание раввина. В 1917 г. рабби Левин был приглашен на должность духовного наставника в иерусалимской йешиве «Эц-Хаим» и оставался на этой позиции до конца своих дней.

Стремление помочь своему ближнему, искренне, от всего сердца было главным желанием рабби Левина. Для него не имело равным счетом никакого значения политическая или экономическая ситуация в Священной Земле. Дни войны, периоды относительного затишья и благополучия никоим образом не влияли на чувство любви, которое рабби Левин испытывал ко всем евреям без исключения. Для себя он довольствовался минимумом, жил очень скромно, хотя у него и была возможность обеспечить себе безбедное существование. Но другим рабби Левин посвящал всего себя, без остатка.

Его супруга Хана, благочестивая и скромная женщина, помогала своему мужу и поддерживала все его начинания. Оба они были бесконечно добрыми людьми, их благотворительность не знала границ. Воспитывая собственных детей, супруги Левины приняли под свой кров еще несколько приемных. Дверь их маленькой двухкомнатной квартиры была постоянно открыта для гостей и для тех, кто нуждался в помощи, защите, поддержке.

НАШЕГО ВРЕМЕНИ

ИЦХАК ЙЕГУДА

История иерусалимской тюрьмы «Русское подворье» долгая и трудная. В дни правления Британского мандата в ее стенах провели немало часов, дней, месяцев и даже лет множество арестантов, борцов за независимость государства Израиль, бойцов Цеваи Леуми, Лехи, Хаганы. Лишь после 1948 года она обрела статус тюрьмы для обычных преступников.

На протяжении долгих лет это угрюмое строение регулярно посещал невысокий, седобородый раввин с глазами, излучающими тепло, и неизменной улыбкой на добром лице. Он не имел к этой тюрьме никакого официального отношения — не был ни работником, ни посетителем. И все же многие из заключенных ждали его визита с нетерпением, не без оснований считая и называя этого человека своим отцом. Это был раввин Арье Левин, «цадик из Иерусалима», человек невысказанной доброты. Его любви и терпения хватало бы, наверное, на всех евреев земного шара...

***

На протяжении двадцати пяти лет рабби Левин посещал заключенных в тюрьму евреев — и осужденных за политические преступления, и осужденных за преступления против общества. Погода не имела равным счетом никакого значения — будь это проливной дождь или горячий хамсин. Каждую субботу рабби Левин отправлялся в тюрьму, к своим «сыновьям», чтобы провести с ними субботнюю молитву. Даже те из заключенных, кто считал себя не соблюдающим заповеди Торы, принимал участие в этих субботних служениях. Искренняя любовь рабби Левина к каждому еврею не могла никого оставить равнодушным.

Но не только тюрьмы посещал этот удивительный человек. Он был частым гостем и в лепрозориях, и в психиатрических лечебницах. Заботы и внимания рабби Левина удостаивались все, кто был по той или иной причине отторгнут обществом и кому не хватало тепла, радости и доброго слова.

Каждый Рош-Ходеш рабби Левин посещал иерусалимскую психиатрическую лечебницу «Эзрат Нашим». Тогда этот институт был совсем не таким, как он выглядит сейчас. Мрачная обстановка, допотопное оборудование, необученный персонал, — далеко не все, чем «славилась» вышеупомянутая организация в те годы. Санитары, чтобы поддерживать порядок и дисциплину среди своих беспомощных жертв, не гнушались никакими мерами воздействия.

Нанеся очередной визит, рабби Левин заметил кровоподтеки и синяки на лице одного из пациентов, пожилого еврея. Выяснилось, что кто-то из санитаров, находясь

в скверном расположении духа, решил выместить на несчастном больном свое недовольство жизнью. Зная, что никто не посещает этого человека (а значит - родственников у него нет), санитар решил, что его поступок легко сойдет ему с рук.

Рабби Левин, однако, думал иначе. Он немедленно направился в кабинет к заведующему отделением и в самой суровой форме потребовал ответа: «Кто дал право вашим работникам так обращаться с моим дядей?!..» По отношению к недовольному жизнью санитару были тотчас же приняты самые строгие меры.

Часть вторая

«ВОТ - НАСТОЯЩАЯ ТОРА!..»

Множество историй существует о рабби Арье Левине, о его любви и заботе, о его бескорыстной доброте, о его широком сердце. Все они бережно собраны, записаны и опубликованы израильским журналистом Симхой Разом, который считал рабби Арье Левина своим учителем и духовным наставником..

В 1970-м году Симха Раз, находясь по делам в Нью-Йорке, решил, пользуясь случаем, нанести визит Любавичскому Ребе. Он позвонил в секретариат «Севен Севенти» и попросил назначить ему день и время, когда он сможет встретиться с Ребе.

В ночь с четверга на пятницу, в три часа, почти под утро, Симха Раз переступил порог кабинета Ребе. Секретарь предупредил журналиста о «регламенте» встречи: «Не больше десяти минут!».

«Симха Раз?.. – переспросил Ребе. – Статья «Паним эль паним» («Лицом к лицу») о рабби Арье Левине не вами ли написана?» Журналист кивнул, будучи немало удивлен тем фактом, что Ребе находит время для чтения газет и еще помнит имена авторов статей.

«Это был необыкновенный человек, - продолжал Ребе. – Его любовь к каждому еврею была действительно настоящей. Расскажите мне о нем».

Вначале оба, и журналист, и Ребе, беседовали стоя. Это длилось около получаса. Затем Ребе предложил сесть. В этот момент в кабинет заглянул секретарь и жестом показал, что время визита истекло. Но Ребе не отпустил своего посетителя: «Рассказывайте, прошу вас». И растерянный Симха Раз остался.

Так прошло еще полчаса. Секретарь вновь открыл дверь кабинета. На этот раз его лицо выражало недовольство. «Кроме вас есть и другие посетители», - сказал он, обращаясь к журналисту. Симха Раз предпринял еще одну попытку распрощаться, но Ребе не позволил ему уйти. «Еще немного, - повернулся Ребе к секретарю. – Это я попросил господина Раза остаться. Мне очень нужно поговорить с ним».

Когда за секретарем закрылась дверь, потрясенный журналист сказал: «Раз уж речь идет о рабби Левине... Я знаю, что у него никогда не было секретаря, и расписания встреч он тоже не составлял. Дома у него всегда были люди. И я не помню такого момента, чтобы рабби Левин кому-то сказал, что у него нет сейчас времени для встречи. Если дверь его квартиры была приоткрыта, я знал, что рабби дома и что можно смело заходить». «Я понял ваш намек», - улыбнулся Ребе.

***

Беседа продолжалась еще около полутора часов. Ребе задавал вопрос за вопросом, требовал историй. Симха Раз рассказывал их одну за другой. Ребе внимательно слушал, кивал головой в знак одобрения, словно подтверждая истинность каждой. В один из моментов Ребе спросил, знаком ли журналист с какими-либо оригинальными толкованиями или открытиями рабби Левина в области Торы. Симха Раз задумался, потом пожал плечами: «Насчет открытий сказать затрудняюсь. Но я слышал от рабби множество интересных мыслей относительно различных стихов Торы и молитвы». Ребе тотчас же захотел их услышать.

«Я слышал однажды, как рабби Левин объяснял самое первое из утренних благословений, - начал журналист и процитировал: – «Благословен Ты... даровавший способность петуху отличать день от ночи». Рабби Левин спрашивал – почему это благословение должно быть первым? Почему почти сразу же по пробуждении мы должны вспоминать об интеллектуальных способностях петуха и его умении вовремя прокукарекать?.. И рабби отвечал, что если бы этого петуха привезли из Иерусалима в Нью-Йорк, он, не смотря на то, что поменял часовой пояс, все равно кукарекал бы правильно, в положенное время. И в этом – урок для каждого из нас. Мы должны благодарить Всевышнего, что Он дал человеку, как и

петуху, способность в положенном месте говорить подходящие к этому месту вещи – в положенное время. И это – первое, о чем мы должны вспоминать, проснувшись утром...» «Замечательно сказано», - улыбнулся Ребе

Симха Раз изложил еще несколько идей рабби Арье Левина, и Ребе отметил, что все они глубоки и необычайно емки по своему содержанию. «Однажды рабби спросил меня, - рассказал журналист, - кто, на мой взгляд, по-настоящему велик – человек, который выходит за рамки собственного характера, преодолевая собственные привычки и устои, или человек, который никогда никого не осуждает, а наоборот – старается найти оправдание каждому?.. Я ответил, что поступок первого более значителен, поскольку это невероятно трудно – переломать самого себя. «Нет, - ответил мне рабби Левин. – Одолеть самого себя, конечно, нелегко, и уровень, которого достигаешь при этом, безусловно высок. Но все же речь здесь идет лишь о самом себе... Тот же, кто ищет оправдания каждому, возвышает не только себя, но и своего ближнего». Ребе чрезвычайно взволновала эта мысль. Он слушал своего гостя очень внимательно и, дослушав до конца, произнес: «Вот – настоящая Тора!..»

***

Встреча, длившаяся два с половиной часа вместо отпущенных десяти минут, подошла к концу.

«Знаете, господин Раз, - сказал Ребе, словно подводя итог, - мне кажется, что все рассказанные вами истории имеют огромное значение. Каждая из них – как жемчужина. Что касается мыслей Торы рабби Левина, признаюсь – это действительно замечательные толкования!.. Думаю, вам, как человеку пишущему, стоит собрать это все воедино и издать о рабби Левине книгу. Люди должны знать об этом, люди должны об этом помнить».

Вдохновленный встречей с Ребе журналист взялся за работу. Книга была написана за рекордно короткий срок – в течение нескольких месяцев – и в этом же году была издана. На иврите она носила название «Иш Цадик Хайя». Книга разошлась многотысячным тиражом, а вскоре была переведена на несколько языков, в том числе – и на русский. Ее название хорошо известно многим – «Праведник нашего времени»...

КЛЮЧЕВЫЕ МОМЕНТЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Законы праздника Песах сложны и изобилуют множеством важных деталей, ни одну из которых опустить нельзя. Мы же коснемся лишь основных моментов праздника. Тем, кто желает получить более подробную информацию, следует обратиться за ней к местному раввину. От него также можно получить перечень продуктов, удовлетворяющих требованиям пасхального кашрута.

МЫ

НЕ РАБЫ!

СТЕНКА НА СТЕНКУ

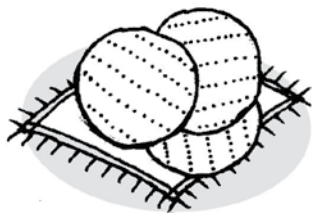
Суббота, непосредственно предшествующая празднику Песах, называется Великой (Шаббат а-Гадоль).

История этого дня вкратце такова.

За четыре дня до последней казни – поражения первенцев – каждая еврейская семья, следуя повелению Всевышнего, взяла в свой дом по овце. Животных следовало принести в жертву накануне ночи Исхода.

Овца почиталась египтянами как «священное животное». Узнав о жертвенной участи своего божества, а также о событии, которое должно сопутствовать этому жертвоприношению – казни первенцев, – египтяне отправились к фараону с требованием отпустить еврейский народ. Начались беспорядки, вылившиеся в гражданскую войну, в которой египтяне убивали египтян ради освобождения евреев.

Это произошло в субботу, которая и получила в последствие название Великой.

СКРОМНЕЕ НАДО БЫТЬ!..

В течение 8 дней праздника Песах (семи дней – в Эрец-Исраэль) запрещено использовать любую закваску (хмель). Вместо привычного хлеба и прочей сдобы мы едим сухую, твердую мацу.

Евреи покидали Египет в большой спешке и времени для выпечки хлеба у них не было. Успели лишь замесить тесто, которое так и не успело взойти. Эти лепешки испеклись уже на солнце сами, оставшись плоскими и сухими. В память об этом событии мы не едим квасное на протяжении всей праздничной недели.

Маца – это символ безграничной веры во Всевышнего, выражение готовности последовать за Ним даже в пустыню.

Запрет на квасное учит нас простому жизненному правилу – изживать в себе квасную напыщенность и быть скромными и непритязательными подобно плоской, сухой маце.

ДОЛОЙ БОЛЕЗНИ!..

Еще в 5714 (1954) г. Любавичский Ребе Менахем-Мендл Шнеерсон обратился ко всем еврейским общинам с призывом всячески содействовать тому, чтобы у как можно большего числа евреев к празднику Песах была в доме «маца-шмура» («охраненная» маца, круглая, ручной работы, за процессом изготовления которой следят с момента сбора урожая и до выпечки).

На сегодняшний день во всем мире ежегодно продается сотни тонн мацы-шмура.

Великое значение такой мацы отмечал еще Первый Ребе ХАБАДа, рабби Шнеур-Залман из Ляд: «Маца первого пасхального вечера называется «хлебом веры», – говорил он. – Маца второго пасхального вечера называется «хлебом здоровья». Если здоровье приносит веру, и человек говорит: «Благодарю Тебя, Всевышний, за то, что исцелил меня» – тогда очевидно, что имела место болезнь. Если вера приносит здоровье – болезни нет изначально».

ЕДИМ, ПЬЕМ И БЕСЕДУЕМ

В первую (а в диаспоре и во вторую) ночи Песаха устраивают особую трапезу - Сейдер.

Главное блюдо этой трапезы – конечно же маца. Три круглые мацы кладут одну на другую, перекладывают их салфетками, а на верхней располагают в особом порядке шесть предметов – куриную косточку (зроа), вареное яйцо (бейца), салатные листья с натертым хреном (соответственно - для марор и для хазерет), тертую смесь из яблок, орехов и вина (харосет) и дольку сырого лука (карпас). Это все – символика Исхода, отображающая различные этапы Освобождения. Три мацы, лежащие на столе, симво-

лизируют три составные части народа Израиля: коэны, левиты и истраэлиты.

По ходу Сейдера мы выпиваем четыре бокала вина (или виноградного сока). Есть и пятый, но он предназначен для пророка Элиягу, который посещает в этот праздничный вечер каждую еврейскую семью.

Существует несколько толкований, объясняющих символику числа «четыре». Одно из них гласит, что каждый из четырех выпитых бокалов соотносится с обещанием Всевышнего, которое Он дал еврейскому народу: «Я **выведу** вас из-под ига египтян... Я **избавлю** вас от служения им... Я **спасу** вас мощью великой... Я **возьму** вас народом Себе...» («Шмот», 6:6-7)

По ходу Сейдера принято рассказывать об Исходе. Для этого существует особая книга, которая называется Агада шель Песах, она же – Пасхальная Агада, она же – Сказание об Исходе. Это своего рода компиляция из текстов Талмуда и Мидраша, составленная нашими мудрецами.

В Агаде мы находим множество важных и интересных моментов. Здесь и Четыре Вопросы, которые дети задают отцу во время Сейдера, и рассказ о четырех сыновьях, присутствующих за пасхальным столом, и повествование о десяти казнях, которыми Всевышний покарал Египет.

...Выпит последний бокал вина, завершающий застольную молитву, произнесены заключительное благословение и фраза: «В наступающем году – в Иерусалиме!» Но слова «Завершен пасхальный Сейдер» мы не произносим. Ведь на духовном уровне у Сейдера нет конца, поскольку он должен оказывать свое влияние в течение всего года.

МОРЕ ПО КОЛЕНУ!

Седьмой день праздника Песах (Шевии Шель Песах) весьма примечателен. Он напоминает нам о чуде, которое Всевышний сотворил для нашего народа после выхода из Египета, - о рассечении Красного моря.

Во время утренней молитвы этого дня мы слушаем чтение «Песни у моря» (Шир шель Ям). Моше и весь еврейский народ вознесли в ней хвалу Всевышнему за то грандиозное, сверхъестественное событие, свидетелями и участниками которого они стали. Эта Песнь, однако, не просто выражение благодарности Творцу за совершенное чудо. Мудрецы говорят, что она содержит намек на события грядущего. В частности, на воскресение мертвых. Этот фрагмент Торы начинается словами Оз йашир Моше, что буквально значит: «И тогда воспоеет Моше» - в будущем времени. Это – пророчество о Песне нового мира, когда полностью раскроется Мошиах и мертвые вернуться к жизни.

В ночь на седьмой день праздника Песах принято бодрствовать. Хасидский фарбренген помогает скоротать эту ночь.

ТРАПЕЗА МОШИАХА

В последний день праздника Песах (Ахарон Шель Песах) рабби Исраэль Баал-Шем-Тов, основоположник учения хасидизма, проводил три праздничные трапезы (параллель с тремя субботними трапезами в противоположность принятым двум праздничным). Он называл третью трапезу этого дня «трапезой Мошиаха», поскольку в этот день открыто сияет свет Мошиаха.

В 5666 (1906) г. в йешиве «Томхей Тмимим» в Любавичах был принят новый распорядок для праздника Песах. Праздничные трапезы студенты проводили вместе, в учебном зале. 310 студентов сидели за 18-ю столами (310 – число духовных миров, ожидающих каждого праведника; 18 – числовое значение слова хай («жизнь»)). Ребе Рашаб участвовал в праздничной трапезе последнего дня вместе со студентами йешивы. Он велел каждому студенту выпить четыре бокала вина и провозгласил: «Это – трапеза Мошиаха». Наш Ребе отмечает в одной из своих бесед: «Совершенно очевидно, что этот обычай относится не только к данному году, но распространяется и на все последующие».

«Трапезу Мошиаха» начинают сразу после молитвы «Минха» (незадолго до захода солнца) и завершают уже после наступления темноты и завершения праздника.

РЯДОВОЙ ИХВАС

ЭЛИ ЛЮКСЕМБУРГ

ИЗ ЦИКЛА «ПРОГУЛКИ С ИОСИФОМ ФЛАВИЕМ»

Сказал я ему:

— Поговорим, мори, о чудесах Всевышнего, творимых незримо с душою каждого человека. О странных взлетах и вспяшках, когда из последних глубин отчаяния ты вдруг возносишься к вершинам блаженства, неопишимо счастья. И все меняется — и слух, и зрение, и эмоция, и ты становишься как бы космическим существом.

Сказал он мне:

— Есть разные виды чудес на свете. Есть чудеса природы, когда Б-г вдруг меняет привычный порядок вещей, и в мире все нарушается. Это не поддается ни объяснению, ни осмыслению. Есть чудеса, творимые Б-гом с отдельно взятым человеком, на уровне эмоциональном — душа твоя либо трепещет, либо ликует. А есть еще «античудо», когда Всевышний скрывает Свое лицо, и все погружается во мрак и ужас. Такое мы тоже знаем. Я видел, как разрушали римляне Храм, как угоняли народ, как опустела земля... А Катастрофа шести миллионов — не «античудо» ли это?

Сказал я ему:

— Поговорим, мори, о чудесах попроще, на уровне личном, о потрясениях души и рассудка, как было, скажем, со мной во время Войны Шестидневной. Давным-давно, во Львове еще... Я шел по улице, был пасмурный, дождливый день. И вдруг зареяли надо мной ангелы и принесли мне весть. Что наши взяли Синай, вышли к Иордану и Мертвому морю, освободили Хеврон и Иерусалим. И я вдруг увидел, что небо над городом стало внезапно иным, мир кругом изменился, пронизанный вдруг каким-то иным, нездешним сиянием. Так было еще и в Израиле, несколько лет спустя, у рынка «Махане Иехуда». Я ехал в автобусе, и вдруг сообщили по радио, что пленников наших в Энтебе освободили, летят они в самолете на родину. И то же самое повторилось...

Я расскажу вам, мори, одну небольшую, но удивительно похожую на мои историю. Она произошла с одним близким мне человеком по имени Ихиль Вайсман, или, иначе Ихвас, как все мы его называли — соседи, друзья и знакомые. Его уже нет в живых, он похоронен на Масличной горе, куда уходят праведники и пророки. Это был высокий старик, угрюмый и мрачный, жил он всегда один. Ходили слухи о нем, что он не совсем в себе, что это последствия какого-то шока, пережитого им в Германии, в бытность его солдатом английской армии. Я почитал его за рава, наставника, поскольку предполагал Ихвас самыми обширными знаниями, особенно в Торе, иудаизме. Талмуд он знал, кажется, наизусть. Мне приходилось присутствовать при его дискуссиях с известными мудрецами, и те порой уступали ему, во всем соглашаясь с его доводами и заключениями.

На землю Израила — тогда еще Палестину — Ихвас

сошел с парохода в самый разгар Войны за Независимость: совсем еще молодой, в парадной форме пехотинца Ее Величества Королевской армии, а потому — проблем никаких с сертификатом у него не было.

Пламенный сионист, человек верующий — «бааль-тшува», он с ходу же записался в Пальмах, с головой окунувшись в боевые действия: воевать он умел, войне был отлично обучен — богатый опыт был за плечами. Однако карьеры военной Ихвас не сделал, не захотел. Он говорил, что не за этим приехал сюда. Хотя и выдвигали его в командиры, в большие начальники. Он от всего отказался. Говорил, что Б-га приехал искать, здесь больше шансов с Ним встретиться.

А появилось у Ихваса это желание вот как: душа у него пробудилась еще в Германии, в самом конце войны — за пару недель до ее окончания, когда дивизия их пехотная внезапно прорвалась в местечко Шварцвальде.

В лесистой местности, среди скал и болот, здесь на всю мощность действовал концлагерь — фабрика смерти. Они успели захватить весь персонал: эсэсовцев-надзирателей, палачей при газовых камерах и крематории.

В живых застали несколько сот заключенных.

По сей день, говорил мне Ихвас, душа во мне содрогается: я видел горы трупов, разбросанные по всей территории, видел ходячие скелеты, закутанные в тряпье — детей, стариков, женщин. Сутками напролет бульдозеры копали огромные рвы, людские останки свозились туда на тачках. Тяжелый, смердящий запах был невыносим: водители бульдозеров работали в противогазах. За тачками приставили немцев, они от усталости падали в обморок — эти сукины дети, отродья дьявола. Мы тоже работали не покладая рук, тоже уставали зверски. Не столько физически, как морально — до полного нервного истощения. Что тебе говорить, восклицал Ихвас, припоминая те дни, смотрю я иногда военную кинохронику и не могу отделаться от мысли, что самое ужасное всегда остается за кадром, его нельзя передать. Зрачки наших глаз — вот бы людям куда заглянуть! В зрачках наших глаз запечатлелась правдивая кинохроника.

И вот однажды, когда они крепко спали в бывшей казарме эсэсовцев, смертельно уставшие за день, раздался вдруг страшный крик: «Есть здесь евреи? Быстро на выход — только одни евреи!»

Разом вскинулись все головы в казарме. Щурясь на яркий электрический свет, Ихвас увидел Джексона, их офицера, надменного верзилу, ирландца Стива Джексона, то ли известного в прошлом боксера, то ли знаменитого игрока в бейсбол. Расставив широко ноги, он постукивал, как обычно, стеком себе в ладонь.

«Оружие с собой не брать! Одеться и идти за мной...»

От виденных днем кошмаров, от этого выкрика неожиданного, в голове у Ихваса началась сумятица мыслей. Наспех облачаясь в одежду, он лихорадочно соображал: что вдруг случилось? Никто и никогда в английской армии не интересовался его национальностью, при чем тут его еврейство? Куда их на ночь глядя зовут?

Родился Ихвас в Манчестере. Его родители были из Кишинева, пережили тот самый погром знаменитый, бежали в Англию. И вот вам: в Германии, в бывшем концлагере смерти, ему вдруг припомнили кто он... Здесь, на топкой, гнилой земле, где свалены в необъятные рвы его соплеменники — уж не его ли очередь пришла?

Оделись четверо: Ихвас и еще трое парней. Молча потащились к выходу. Разом сделавшись жалкими, обреченными — на глазах у всей казармы; какие-то прибитые в безысходном отчаянии. Притворившись наивным, Ихвас обратился к верзиле Джексону: «Куда же, сэр, вы евреев своих ведете? Кому мы среди ночи понадобились?»

И раскурив трубку, тот процедил сквозь зубы: «А это вы скоро узнаете».

Шел мокрый снег, вперемешку с дождем, хлестал пронзительный, ледяной ветер. Кругом были слякоть и лужи. Размашистым шагом Джексон шел напрямик, четверо еврейских парней с трудом за ним поспевали. И строя самые дикие предположения, вполголоса за его спиной перешептывались. Пытались Джексона разговорить, но тот оборачивался, скалясь в гнусной ухмылке.

С двух шагов нельзя было ничего услышать: поблизости ревел бульдозер, освещенный прожекторами, выл и свистел ветер, скрипели за колючей проволокой могучие ели в лесу. Они подходили к другим казармам, паршивец Джексон оттуда тоже вызывал евреев, и собралось их вскоре человек пятнадцать. Солдат, о которых Ихвас и подумать не мог, что они тоже евреи.

Словом, подчистили всех, и Ихвасу сделалось дурно.

Лихорадочно соображая, Ихвас пришел к окончательному убеждению: да, война явно близится к концу, во всех окрестных лесах кишат недобитые отряды фашистов, готовые сражаться насмерть. Они прекрасно понимают, что за свои преступления жестоко поплатятся, терять им нечего. А потому — способны на любое безумство и дерзость. Собрали наверно силы свои в кулак, и приняли контрнаступление. Осадили лагерь и предъявили свой ультиматум: выдайте нам евреев! Только евреев, а вас не тронем... Такое случалось уже в еврейской истории, Ихвас много об этом читал. В истории Польши, в истории Украины: враги пускались на хитрость — выдайте нам жидов и мы вас не тронем, и города брать не будем. И раскрывали врагам ворота — наивные гоим, и те вырезали всех подряд, в том числе и евреев. Похоже, что так и будет сейчас... Эти умники англичане, эти хваленые демократы, ублюдки! Когда мы деремся вместе плечом к плечу, никто нас не спрашивает, какой мы национальности, но если стоит вопрос о жизни и смерти — можно евреев выдать и на расправу.

Так плелись они за Джексоном во тьме, по грязи, по лужам, приготовившись к самому худшему, покуда не спустились вниз, к воротам лагеря, где была столовая — офицерский клуб, и изо всех окон светился яркий, электрический свет.

И тут, мори, их взору явилось чудо. Будто из детства, из сказки.

Они вошли и увидели стол, длиннющий пасхальный стол, покрытый белоснежной скатертью, уставленный всевозможными яствами, столбиками мацы. Горели свечи на этом столе, таком праздничном в ожидании евреев, стояли бутылки с вином. И где, Г-споди: в концлагере смерти на окаянной германской земле, у самого края войны? На дне преисподней, где не осты-

ли еще адские печи и из-под колосников еще не выгребли пепел сожженных детей Израиля? Да и сами они по дороге сюда уже приготовились к смерти, к коварному предательству... Вообразите себе, мори, их счастье и потрясение?

К ним бросился человек в белой ермолке и белом же, шелковом халате. Вышел из-за стола с распростертыми объятиями. Он был с бородой и в пейсах — армейский раввин в чине полковника, и Ихвас вспомнил его. Несколько дней назад в лагерь приехала делегация из Англии, — члены парламента, военные следователи, судьи и прокуроры из Генерального штаба. Ихвас видел, как Джексон водил их повсюду, тыча стеклом своим, как указкой, и давал показания. А этот бородач подолгу стоял над рвами, вздевая к небесам руки и читал молитвы.

«Проходите, солдаты, рассаживайтесь! Я приглашаю вас на Пасхальный Седер, сегодня ночью выходим мы из Египта, из рабства...»

Ихвас узнал его, вспомнил, и тут же все у него связалось. Забилось бешено сердце, готовое лопнуть, выскочить из груди, и наворачнулись и хлынули слезы. Но прежде, чем сели за стол, под шутки и взрывы веселого смеха, налили стаканчик поганцу Джексону. Он тянул его, крикнул и подмигнул: «В такое рабство и я бы хотел угодить! Смотрите, не перепейтесь, как гуси, утром чтоб были в казармах...» Похоже, он крепко евреям завидовал.

Потом они пили вино и ели мацу, слушая про казни египетские и чудеса Всевышнего при переходе через море. Снова пили, и снова ели, и этот Седер запомнился Ихвасу на всю жизнь. Ведь всю полноту еврейских страданий и чудесного избавления он только что на себе испытал. Душа его распахнулась и трепетала, разверзлась до необычных глубин, а свет проникший туда, позвал его к Б-гу.

ПАРАД ПРЕСМЫКАЮЩИХСЯ

ПИНХАС ЙОФФЕ

– Не верю!

Гулкое эхо отдалось во всех углах большого квадратного зала. Фараон поднялся с трона и сделал несколько шагов по направлению к Моше и Аарону:

– Столько лет, проведенных вдали от дома совсем не изменили тебя, как был сумасбродом так им и остался!.. Уж не перегрелся ли ты на солнце в пустыне, если в голову тебе приходят такие идеи? Неужто ты ожидал, что я, великий Фараон, главный бог Египта, поверю, что ты послан каким-то Б-гом Израиля и, не потребовав никаких доказательств, выполню все твои условия?! Или может ты и доказательств приготовил?

Моше повернулся к брату и легонько кивнул. Аарон размахнулся, бросил свой посох на пол, и в тот же момент все находившиеся в зале придворные вскрикнули – обычный суковатый кусок дерева стал быстро увеличиваться в размерах и превратился в огромную зеленую змею, локтей в двадцать длиной, которая шипя поползла по периметру зала. Фараон и не заметил, как оказался с ногами на троне, придворные последовали его примеру, и вскоре все скамьи и столы, расположенные вдоль стен были забиты людьми.

– Ч-ч-ч-то это, – заикаясь пробормотал фараон, указывая дрожащим пальцем на приближающееся животное, – что за дракона вы сюда притащили?

– Эта змея, ваше величество – знак от Всевышнего, что все сказанное мной – правда.

– Змея?! Как бы не так! Таких больших змей не бывает, это обыкновенное колдовство!

– Нет, ваше величество, это действительно настоящая змея – бразильская анаконда.

– Вот как? – Фараон ухмыльнулся: – Ну, на змею-то я управу найду.

Он щелкнул пальцами и обратился к появившемуся откуда-то из-за трона смуглому худому старику в огромном турбанае:

– Сихан, придворный укротитель змей, ты утверждал, что можешь справиться с любой змеей. Ну-ка, угони это!

Старик выхватил из-за пазухи небольшую дудочку, и дивная мелодия полилась под сводами зала. Единственным существом, не обратившим внимания на музыку, осталась анаконда – она все так же шипя продолжала ползти в сторону трона. Музыка смолкла.

– Точно колдовство, даже на дудочку не реагирует! – на этот раз фараон повернулся к придворным чародеям. – Что вы трясетесь!? Покажите этому бродяге, – палец его уперся в Моше, – что и вы на такое способны!

Главный колдун шарахнул своим посохом об пол и что-то забормотал. От посоха повалил дым, потом он заискрился, громко хлопнул и превратился в черную мамбу – большую змею длиной в шесть локтей. Приободренные примером начальства, остальные чародеи тоже начали швырять свои палки на пол. Зал наполнился дымом, а грохот разрывов был слышен даже за Нилом. Когда дым рассеялся весь пол кишел многочисленными змеями: мамбы широ-

ко открывали пасти, гадюки шипели, кобры пугали своими капюшонами, а гремучие змеи сердито трясли хвостами. Последним бросил свой посох самый младший из колдунов – безусый стажер. Посох пшикнул и превратился в маленького ужа, который сразу забился в угол при виде своих ядовитых сородичей. Под свирепым взглядом фараона колдун съезжился и смущенно пробормотал:

– Но я ведь не волшебник, я только учусь.

Между тем анаконда продолжала свой путь вдоль стены. Даже среди такого огромного количества змей было видно, насколько она крупнее всех остальных.

– Развели террариум, – пробормотал Моше, – пора кончать этот цирк.

Он повернулся к брату и вновь чуть заметно кивнул.

– Фас!

Короткий крик Аарона сразу вернул всех к действительности. В то же мгновение медлительная до сих пор анаконда резко метнулась, глотая с огромной скоростью себе подобных. В несколько секунд все было кончено, последним исчез в огромной пасти уж, пытавшийся спрятаться под полой у стажера, – анаконда проглотила его вместе с хозяином. Закончив трапезу, змея вдруг быстро поползла в сторону трона. Фараон, с открытым ртом наблюдавший за поразительным зрелищем, взвизгнул – и под троном моментально образовалась небольшая лужица.

– Останови ее, – закричал он Моше, – как сделать, чтобы она опять стала куском дерева?!

– Это очень легко, ваше величество, – Аарон улыбнулся, – нужно всего лишь взять ее за хвост, вот попробуйте.

От этих слов фараона еще больше передернуло:

– Вот и возьми ее за хвост. Я все понял, мне надо побыть одному и подумать над вашим предложением.

Безумными глазами он наблюдал, как анаконда в руке Аарона вновь превратилась в обычную суковатую палку. Убедившись, что опасность миновала, фараон спустил ноги на пол и тут же попал ими в лужу. Он принюхался, побагровел и обернувшись заметил Сихана – тот все еще находился рядом. Старик побледнел и затрясся, как осиновый лист.

– Как ты смел, – завизжал фараон, – осквернить мой трон!? Стража! Отрубите ему немедленно голову, а тело повесьте на дереве. И уберите это, – он брезгливо поморщился.

Пока уводили несчастного старика, Моше и Аарон успели дойти до выхода из зала. Возглас фараона остановил их:

– А если мой ответ будет отрицательным, вы что, снова вернетесь со своей гадюкой?

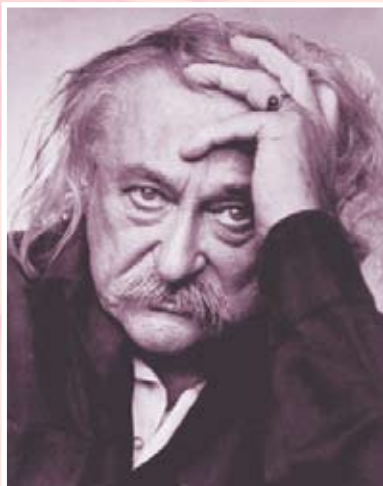
– Не беспокойтесь, ваше величество, – Аарон приостановился в дверях, пропуская брата вперед, и вежливо поклонился, – у нас в запасе еще целый зоопарк.

Данный «апокриф» не претендует на точное описание событий, как они изложены в Пятикнижии (Шмот, 7:1-13), Мидраше и других источниках еврейского канона (Талмуд, Агада, раввинские толкования и т.п.).

ФЕНИКС – СИМВОЛ БЕССМЕРТИЯ

КАВИ ФРИДМАН

Скульптура – весьма оригинальный вид изобразительного искусства. Лаконичность и выразительность – два главных ее признака. При относительно небогатом выборе материала (камень, дерево, железо) небогат и выбор изобразительных средств. Но настоящему скульптору этого вполне достаточно. Как когда-то сказал Микеланджело (а кто-то приписывает эти слова Родену): «Я беру глыбу мрамора и отсекаю все лишнее». То же самое мог сказать о себе французский скульптор Жак Липшиц.

Хаим-Яков Липшиц лепил с детства и все свободное время отдавал этому странному, на взгляд родных, занятию. Отец, уважаемый член еврейской общины, хотел, чтобы сын продолжил семейный бизнес и стал фабрикантом. Но мальчика не тянуло в коммерцию.

Вскоре, втайне от отца, но при поддержке матери Хаим-Яков уехал в Париж – обучаться искусству. Первые два года он жил относительно беззаботно: остывший от гнева отец щедро помогал сыну. Но потом наступили нелегкие времена. Отец разорился, и Жаку, чтоб хоть как-то просуществовать, пришлось по ночам развозить фрукты или подрабатывать у других скульпторов. А в свободное время он работал над своими собственными произведениями.

Вскоре Жак познакомился с Пикассо и сурово раскритиковал работы последнего. В результате художники подружились и остались друзьями на всю жизнь. Пикассо, Модильяни, Грис – круг друзей и соратников Жака Липшица в то время.

Вначале Липшиц работал в строго классической манере. Но вскоре в моду вошел кубизм, и Жак Липшиц понял и принял этот стиль. Для кубизма важна была не передача внешнего облика человека, а раскрытие его духовного мира, внутренней сущности.

Слава пришла относительно быстро. В конце 20-х Жак Липшиц стал одним из известнейших скульпторов Франции. Купить его скульптуру, заказать ему портрет считалось знаком причастности к элите.

Тем временем, по телу старушки-Европы медленно, но уверенно распространялась фашистская опухоль. Еврей Липшиц не мог остаться безучастным к расцвету нацизма. Некоторые из его скульптур 30-х годов при всей их символичности несли явный антифашистский оттенок. Одна из них («Прометей с орлом») была представлена на Всемирной выставке в Париже в 1937 году и злобно атакована критиками из гитлеровской Германии.

После оккупации Парижа антисемитские угрозы в адрес Жака Липшица усилились, и в 1940 году художнику вместе с женой, поэтессой Бетти Китроссер, пришлось бежать из Франции в США. Имя Липшица в Америке было уже известно, о его работах писали ведущие американские искусствоведы, и скульптор сразу получил множество заказов.

Конечно же, художник не мог не отразить в своем творчестве трагедию европейского еврейства. Скульптурная группа «Мать и дитя» стала результатом его духовного потрясения.

После войны, в 1947 году, Жак Липшиц и Бетти Китроссер вернулись во Францию, но затем скульптор вновь уехал в США, где успешно продолжил свою деятельность и удостоился немало наград и премий.

В 1965 году по приглашению израильского правительства Липшиц посетил Иерусалим. Пребывание в Эрец-Исраэль не прошло бесследно. «Я чувствую, что принадлежу Священной Земле», – признался художник и передал в дар государству Израиль множество своих работ.

А вскоре в жизни знаменитого скульптора произошло событие, во многом повлиявшее на его судьбу, – встреча с Любавичским Ребе Менахем-Мендлом Шнеерсоном.

Имя Ребе, благодаря широкой деятельности ХАБАДа, было хорошо известно даже в светских кругах. Да и сам Ребе был много слышан о знаменитом художнике.

Беседа шла об искусстве, о роли и задачах художника, о таланте, которым наделил его Всевышний, и о том, как использовать теперь этот талант во благо святости. Ребе приятно поразил скульптора своей блестящей эрудицией и художественным вкусом. Свой разговор с Жаком Липшицем Ребе завершил пожеланием того, чтобы художник каждый будний день возлагал тфиллин. Скульптор внял совету и с того самого дня исполнял указание Ребе неукоснительно. «Я молюсь каждое утро, – признавался Жак Липшиц. – Это помогает мне. Молитва приближает меня к Б-гу. Я среди своего народа, я говорю с Б-гом, и хоть я не смею обращаться к Нему с личными просьбами — я говорю с Ним! Он дает мне силы на целый день... Я не могу больше жить без этого».

Жак Липшиц покинул этот мир в 1978 году и, согласно завещанию, был похоронен в Иерусалиме.

***

Вскоре в Нью-Йорк приехала вдова скульптора, вторая его жена Юла Альберштадт. Ей срочно нужно было встретиться с Любавичским Ребе.

Во время встречи Юла Альберштадт рассказала Ребе о том, что ее муж незадолго до того, как покинуть этот мир, начал работу над очередным своим шедевром – скульптурой, изображающей птицу Феникс. Заказ на эту работу Жак Липшиц получил от иерусалимской организации «Хадасса». Сама будучи художником и скульптором, она взялась было завершить работу мужа, но внезапно столкнулась с проблемой. Кто-то из еврейских лидеров сказал ей, что поскольку птица Феникс – символ, абсолютно чуждый иудаизму, устанавливать подобного рода скульптуру в Иерусалиме было бы просто кощунством. Зная о связи мужа с Любавичским Ребе, она решила посоветоваться с последним относительно этого спорного, на ее взгляд, вопроса.

Ребе выслушал госпожу Альберштадт, а затем взял с книжной полки ТАНАХ. Открыв книгу Йова на 29-й главе, Ребе указал на 18-й стих и прочел вслух: «...Вехахоль арбэ йомим» («И подобно Холь умножатся дни мои»). «Есть толкование наших мудрецов о том, что Холь – это птица, которая живет тысячи лет, затем умирает и вновь возрождается из праха», – сказал Ребе и добавил с улыбкой: «Так что передайте тому человеку, что птица Феникс – самый что ни на есть еврейский символ».

МУЗЫКАНТ

ЭЛИ ЭЛКИН

окончание, начало в №4

- Итак, ты в Священной Земле, душа поет, вокруг друзья... Где ты жил первое время? Вряд ли в Иерусалиме?.. Наверное, Тель-Авив.

- Почти угадал. В Тель-Авиве мы провели первые пару совершенно «безбашенных» дней, прокутили, так сказать, привезенную мною валюту, а потом – в Цфат.

- В Цфат?..

- Да. Деня с Илюшей там снимали дом. В районе Кирьят-Уманит, квартале художников. В доме этом жила когда-то легендарная Энджи, которой «Роллинг Стоунз» посвятили одноименную песню. Теперь там предстояло жить мне.

- Здорово. Ну а как с музыкой?

- Музыка? Музыка началась потрясающая. Во-первых, никакой работы, ничего не мешает. Во-вторых, живем в доме – в своем доме!.. В-третьих, «ломки» закончились довольно быстро. Слава Б-гу, пришел в себя наконец. И вот в дополнение ко всему этому я вдруг начинаю замечать, что ребята увлекаются чем-то абсолютно новым. Деня, например, пытается осваивать что-то совершенно экзотическое – уд, нечто вроде лютни. И хотя настоящего уда у него тогда не было, он очень умело изображал его звучание на простенькой, пятиструнной гитаре с нейлоновыми струнами. Потом, через какое-то время ему сделали этот инструмент под заказ, и представлял он собой нечто среднее между гитарой и классическим удом. Илья же играл на флейте. Я со своими громоздкими барабанами, длинными палками и «ледзеппелиновским» звучанием не вписывался во всю эту картину. А тут еще Илья как-то говорит мне: «Слушай, тебя надо лечить. Ты слушаешь что-то страшное». В общем, арт-рок, хард-рок – слегка в сторону. Начался новый период – этническая музыка. Тогда впервые в жизни я услышал нигуним, которые принес Илья.

- Ну и как?

- Потрясающе. Правда, уже не помню, что это были за нигуним, чьи... В общем, впечатлило, но в душу не запало. Пока. Одновременно с этим начал увлекаться перкуссией. Все меньше стучал палками, все больше щетками и еще больше – руками. Одолжил даже у соседа специальный африканский барабан – джембе. Ну и, конечно же, живя в Цфате...

- Каббала?

- Угадал. Я, собственно, слышал об этом и раньше, какие-то книги читал. А тут мне еще рассказали, что это за город – Цфат, и после этого я постоянно стре-

мился попасть на уроки Каббалы. Но вот никак не получалось.

- В общем, музыка, воздух Цфата, вольная жизнь трубадура сделали свое дело?..

- Да. Познакомился с тремя замечательными людьми. Первым был Ашер. Он сам родом из Киева, потом жил в Торонто, потом перебрался в Эрец-Исраэль. Он меня многому научил, о Торе мне рассказывал, о Все-вышнем, о ХАБАДе, конечно же. С ним мы, после многократных «лехамим», регулярно практиковали ночные походы в микву Ари. Потом он меня познакомил с цфатским художником Виктором Шаулем, который сам Каббалой увлекался и к тому же хабадником был – черная шляпа, борода, все как положено. Я тогда впервые в жизни (не считая тот случай в Манхеттене) настоящего хабадника встретил, довольно долго общался с ним. Он мне все какие-то истории рассказывал, говорил – хасидские. Я почти не понимал ничего, настолько далек был. И еще тогда один приятель появился – Авраам Левенталь, тоже художник, тоже увлекающийся Каббалой, тоже соблюдающий. В общем, встреча с этими людьми произвела на меня сильное впечатление, и мировоззрение мое начало другой угол приобретать, более острый. Ну, и конечно же, не обошлось без женщины...

- То есть?

- Через две недели после приезда в Цфат я познакомился со своей будущей женой, Зоей. Я, как только с ней встретился, сразу же подумал: «Б-же мой, где я был все это время?» «Шидух», если так можно выразиться, сделал нам все тот же Илья Лернер, за что я ему до сих пор бесконечно благодарен. Зоя, будучи человеком музыкальным, стала полноправным членом нашей команды. И вот с тех пор мы не расстаемся.

- Она – тоже музыкант?

- Еще какой! Она у нас на арфе играла, перкуссией мне помогала. Очень творческий человек.

- Я так понимаю, что вы не сидели подолгу на одном месте.

- Покатались немного. После трех месяцев в Цфате перебрались в Яффо, оттуда в Маалот, а оттуда уже – в Хайфу. Безоблачная жизнь закончилась, приходилось работать – мыть посуду в ресторанах, ходить за креветками в море на каком-то «стремном» сейнере, был даже подмастерьем у ювелира, йеменского еврея. О музыке с коммерческой точки зрения мы даже не помышляли. Просто играли, постоянно экспериментировали. Тогда, кстати, и название у нашей группы появилось...

- Что-нибудь каббалистическое, наверное?

- Бери выше!.. Тот самый Авраам Левенталь, с которым я в Цфате познакомился, послушав наш альбом, и спросил: «А название у вас есть?» А мы даже не думали об этом. «Назовитесь Эйн-Соф!» «А что это значит?» - спрашиваем. «Infinity», - говорит. Вот так и назвались.

- Лихо!.. Сразу же – Б-жественным именем!..

- Похоже, что это стало моим первым, хоть и неосознанным, шагом по дороге хасидизма. Потом дома, у своего друга Ашера, я обнаружил множество литературы, на которую давно хотел наложить руки: труды Конфуция и пр. Полистал я их – и ничего не почувствовал. Любопытство

– не более того. Ашер, видимо, уловил мое настроение и мысли и говорит: «Знаешь, дай тебе что-то стоящее дам почитать». И дает книгу – на иврите, с русским переводом. Я открыл наугад, прочитал один абзац... Ничего не понял – но как зацепило!.. Прямо за душу схватило...

- Это была Тора?

- Это была Тания!.. Мне Ашер объяснил, что это труд Первого Ребе ХАБАДа, Алтер Ребе, немного рассказал о нем. На этом, собственно, пока что все закончилось. Ты же понимаешь, меня, кроме музыки, тогда ничего не интересовало по-настоящему. Все остальное шло вместе с ней.

- А что с проектом «Эйн-Соф»? Чего-то добились?

- Записали один альбом. «Return of the King» называется.

- Очень символично.

- И не говори. А ведь записали мы это под влиянием творчества Толкиена... В общем, дали пять концертов в Иерусалиме и Хайфе. Успех был полный, хотя практически ничего на этом не заработали. В общем, все закончилось довольно быстро и относительно благополучно. Деня, после нескольких неудачных попыток пройти гиюр, женился на итальянке и уехал в Европу, а я вместе с Зоей перебрался обратно в Маалот. Там сняли дом. И так получилось, что напротив оказался Бейт-Хабад. Через некоторое время стали замечать, что какие-то евреи в пятницу вечером там танцуют и поют – очень весело и громко. Мы один раз проходили мимо и столкнулись с Игалем Каспи, раввином этого Бейт-Хабада, посланником Ребе в Маалоте: «Послушайте, - сказал он нам. - Вы же здесь рядом живете. Зашли бы!..»

- И вы стали гостями в этом Бейт-Хабаде?

- Довольно частыми. И это во многом определило мою дальнейшую судьбу, поскольку именно тогда и именно там я познакомился со своим первым духовным наставником – реб Зевом Виноградовым. Он нас зацепил крепко. В течение двух минут реб Зев сумел убедить меня в том, что в субботу играть нельзя. Просто рассказал о том, что такое было позволено лишь в Храме. И после этого я решил твердо – в субботу инструмент в руки не беру...

- Кстати, а какой инструмент ты тогда уже брал в руки?

- Тарбука, индийские таблы. Установку я к тому времени продал, оставил лишь сумку с тарелками. Я ведь всерьез увлекся перкуссией.

- Понятно. В общем, вы стали посещать Бейт-Хабад, у тебя появился машпий, ну а дальше – больше, наверное?

- Да. Торжественно прошел обряд обрезания, начали с Зоей соблюдать – по возможности – законы субботы и кашрута. Начали молиться. Я надел кипу, талит катан.

- Короче, началась полноценная еврейская жизнь?..

- Понимаешь, как бы так помягче выразиться...

Не успела она начаться. За стремительным подъемом последовал не менее стремительный спуск.

- Как же так?.. Я думал, уже все – поставили хупу, повесили мезузы, откашеровали кухню...

- Не все так просто. Хупу мы, действительно, решили поставить, поскольку поняли, что такие свободные отношения дальше продолжаться не могу. Зоя начала учиться в «Махон Альта», еврейской школе для девушек, вернувшихся на путь Торы. А я... Я решил денег подзаработать для предстоящей свадьбы. Мне позвонил Денис из Испании, предложил приехать, записать концерт. Я и поехал. Но поработать толком не успели. У Дениса родился сын. И вместо того, чтобы отправиться домой, я задумал поехать в Амстердам. Мысль подзаработать не покидала меня. Она же мыслью и осталась. Уже будучи в Испании, я увлекся фламенко и ушел, так сказать, к цыганам – испанским цыганам. В начале думал, на два-три месяца – не больше, а запис на год с лишним. И это было годом моего крутого спуска. Суббота, кашрут – все постепенно сошло на нет. Концерты в пятницу вечером, застолья с местными знаменитостями – испанскими гитаристами. Ну и опять – началось то, от чего уже вроде бы избавился...

- Опять наркотики?

- К сожалению, да. Не смог удержаться. Слишком велик был соблазн. В общем, с музыкой было все нормально, а вот все остальное покатило под откос. Даже деньги, которые зарабатывал, тут же тратил сам понимаешь на что.

- И как удалось выбраться?

- Ребята вытащили. Я был постоянно на связи со Шмуликом, братом Зои – через интернет. Они и почувствовали, что со мной что-то не то. Особенно постарался Авраам Йоффе, мой хороший друг, программист из Хайфы, дай Б-г ему здоровья. Он и деньги на билет собрал и даже прилетел за мной. И Денис, конечно, приложил руку.

- А невеста знала о твоих приключениях?

- Догадалась. Я звонил ей из Испании, и она по голосу, по интонациям поняла, что я опять взялся за старое. Зоя уже тогда, как я говорил, по полной программе училась в «Махон Альта» и продвинулась очень далеко. Ее подъем был пропорционален моему спуску. Спрашивается, зачем я такой теперь ей был нужен? Но у Всевышнего свои планы. Дождалась, перетерпела, выстояла. Женщины, вообще, гораздо терпеливее нас, мужчин... Словом, Авраам прилетел за мной с билетом и сказал: «Летим домой прямо сейчас». Я ответил, что никуда не поеду. На носу были три концерта с моим участием – на побережье, в каком-то шикарном замке. Все три – в субботу. «Какие концерты? Ты с ума сошел! Ты же гибнешь!..» Я хотел было уже упереться, но тут вдруг, почему, отчего – не понимаю, вспомнился старый анекдот про еврея, который во время наводнения сидит на крыше и отвергает всякие попытки его спасти. Я будто услышал тот самый Голос: «Дурак! Я тебе трижды посылал помощь – лодку, корабль и вертолет!..» Авраам растерялся, не ожидал такого быстрого согласия: «Что такое? Ты же только что...» «Быстро, - говорю, - летим, пока не передумал».

- И куда тебя доставили?

- Меня хотели отправить отдохнуть, в какой-то мошав, коз пасти. Но я воспротивился. Еще в аэропорту в Малаге заявил, что хочу в Цфат и больше никуда. Это мое путешествие в Эрец-Исроэль

с Денисом на Ибизе

было уже совсем другим. Когда я летел из Америки, физически было просто тошно, зато на душе был праздник. Сейчас же физически я себя чувствовал нормально, а на душе было гадко неимоверно. Куда же податься, как не в Цфат?..

В общем, я очень Б-га просил, чтобы хоть как-то мне в Цфат попасть. И вот уже в Тель-Авиве встречает нас Илья Лернер, тот самый, флейтист. Обнялись, как положено. «Слушай, - говорит он мне, - у нас концерт в Цфате. Барабанщик нам нужен позарез. Поедешь?..» Я там чуть прямо на пол не сел. Ведь как Он все слышит, а?.. В Цфате я прожил совсем недолго, отыграл несколько концертов, пришел в себя и подался в Хайфу. И с этого момента в моей судьбе произошел окончательный перелом.

- Снова кого-то встретил?

- Не просто кого-то!.. Моя еврейская душа истосковалась по святости, и я страстно захотел учиться. Стал ходить в местный Бейт-Хабат на уроки Торы и познакомился с замечательным человеком – раввином Реуеном Дуниным, настоящим хасидом, солдатом Ребе. Он проводил уроки по хасидизму. Я ни слова не понимал на этих занятиях, но так «кайфово» было!.. Такой свет шел, душа радовалась! Реб Реуен – особенный человек. Я безмерно счастлив, что встретился с ним, что успел его застать. В общем, связался я с ХАБАДОм как положено. И в Хайфе, и в Маалоте был в постоянной связи с хабадниками. Короче, продвинулся очень серьезно.

- А что с музыкой? Тоже какие-то изменения произошли?

- Потрясающие!.. Я очень скоро познакомился с Женей Писаком. Он когда-то стоял у истоков свердловской рок-музыки: «Наутилус Помпилиус», «Урфин Джюс», «Доктор Фауст» (его команда, кстати). Он приехал в Израиль почти одновременно со мной, но в отличие от меня – уже известным музыкантом. Поэтому проблем с раскруткой и работой у него здесь не было. Мы сошлись с ним, как когда-то с Денисом, на раз-два-три, и поняли, что должны играть вместе – что угодно!.. Записали несколько композиций, сделали демо-диск... Знаешь, давай так: к нашему с Женей проекту я еще вернусь, а пока расскажу коротко, как пришел к ХАБАДУ твердо и окончательно. Тут все одно с другим связано.

- Давай.

- В один из дней, когда мы записывали диск, я на обратном пути проезжал мимо «Яд-Элиягу», огромного концертного зала в Тель-Авиве. Там как раз намечался съезд посланников ХАБАДа. К тому времени, благодаря реб Зееву Виноградову, я уже знал о Ребе, знал, кто такой Ребе... Я

как-то реб Зееву высказал свои сомнения по поводу, так сказать, «мессианства» Ребе. «Почему, спрашиваю, именно он?» Реб Зеев действовал просто и решительно. Он ответил, как положено еврею,

вопросом на вопрос: «А ты знаешь, что есть раввинское постановление о том, что Ребе – это Король Мошиха?» Все. Мне этого было достаточно...

Так вот, я перед самым началом съездом зашел в синагогу. Там по моей амуниции музыкальной меня мгновенно раскусили.

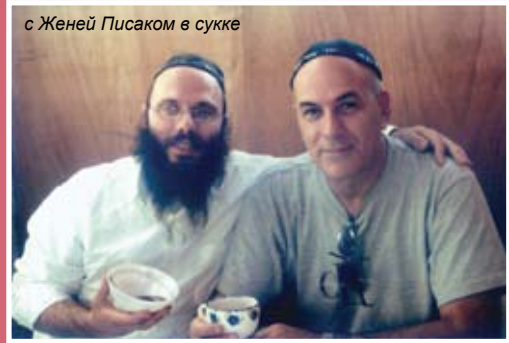
Со мной разговаривал один израильтянин и посоветовал съездить к Ави Пиаменте, в Кфар-Хабат. Я уже тогда слышал об этом человеке, знал, что он – религиозный еврей, хабадник и очень хороший флейтист, но о встрече как-то не думал. А тут еще брат моей невесты, Шмулик, будучи в Кфар-Хабате, взял у Пиаменты телефон. В общем, не связаться с этим музыкантом теперь было просто глупо. Мы созвонились, и он пригласил меня к себе домой. Сыграли что-то вместе и в этот же вечер он взял меня с собой на свадьбу. И после этого он же уговорил меня переехать в Кфар-Хабат. А поскольку жить мне там было не у кого, договорился с руководством йешивы «Ор Тмимим», чтобы меня приняли в качестве студента. В йешиве этой обучались (и обучаются) в основном американские юноши, такие же, как и я, ищущие смысла и жаждущие духа – под неусыпным оком раввина Гафни. Должность духовного наставника занимает там Тувья Бултон, раввин, музыкант, гитарист. Я там проучился почти полгода – срок небольшой, но существенный. Параллельно с этим играл с Пиаментой на разного рода мероприятиях – концерты, свадьбы...

- Погоди, мы совсем забыли о твоей невесте. Как дальше-то все складывалось у вас?..

- Зое, конечно, понадобилось какое-то время, чтобы поверить в то, что я опять не сорвусь. Я время от времени давал знать о себе, о своих достижениях. Она вроде бы успокоилась. Но тут произошло одно любопытное событие, которое можно смело назвать испытанием – и для нее, и для меня. Еще до того, как я попал в йешиву.

- Интересно, интересно. Что же еще?..

- Весной мы должны были с Женей Писаком лететь в Свердловск, на международный рок-фестиваль. Мы – единственная команда из Израиля, все остальные – Франция, Италия и пр. И тут я узнаю, что надо лететь в седьмой день Песаха! А я тогда был уверен, что в Песах только первый день – праздничный, а остальные – наполовину, то есть работать можно. Написал Ребе, попросил благословения на предстоящий перелет и концерт, вложил в «Игрос Кодеш» (я уже тогда это практиковал, слава Б-гу) и получил ответ ... о свадьбе! О том, что свадьба должна быть хасидской, проведенной в соответствии с обычаям ХАБАДа. О поездке – НИ СЛОВА!.. А до праздника – четыре дня остается. Что делать? А я, когда Ребе писал, взял на себя исполнение заповедей тфиллин Рабейну Там. Тфиллин Раши я уже, слава Б-гу, надевал каждый день. И вот, когда, в один из этих четырех оставшихся дней надевая тфиллин Рабейну Там, я дошел до отрывка «И посвятить Мне...», вдруг мне в глаза буквально прыгает строчка: «Семь дней ешь мацу, а седьмой день – праздник во имя Всевышнего»!.. Представляешь? Я позвонил реб Зееву, все рассказал. Он, конечно же, лететь мне категорически запретил. А у нас уже визы готовы, билеты куплены, в Свердловске афиши развешены. Женя вне себя: как можно вот так запросто бросаться такими приглашениями?!.. Тут наступает праздник. А я совершенно не был готов к Песаху. Сейдер провел у реб Зеева, на следующий вечер приехал домой. А дома пусто, ни мацы, ничего. Жил я один в то время, в центре Хайфы, на Мерказ Кармель. Пошел в синагогу, на вечернюю молитву. Когда

с Женей Писаком в сукке

все разошлись, ко мне вдруг подходит один из молящихся, серьезный такой еврей, в штраймле, и говорит: «Хочешь пойти ко мне домой – поужинать?» По дороге разговорились. Он, увидев, что я нахожусь в совершенно подавленном настроении, спросил, что случилось. Я, как мог, рассказал. Он выслушал и говорит: «Ты знаешь, какая сейчас недельная глава?» Я кивнул. «А отрывок из Книги пророков какой мы сейчас читаем, знаешь?» «Нет». «Там рассказывается о том, как Элиягу-пророк, стоя на горе Кармель, – где мы с тобой, кстати, сейчас находимся, – устроил испытание жрецам Баала. И спросил у евреев, которые к тому времени погрязли в идолопоклонстве: «Сколько можно танцевать на двух свадьбах? Если следуете Баалу – идите за ним. Если Всевышний – ваш Б-г, следуйте за ним!..»

В общем, я решил твердо и окончательно – никуда я в праздник не лечу. И события после этого закрутились с бешеной скоростью. В общем, не буду утомлять подробностями – отменили мы и полет, и наш концерт. И лишь потом я узнал от самой Зои, что если бы я полетел, ни о какой свадьбе уже речи не шло бы...

- И свадьба состоялась!..

Да, слава Б-гу, в Йуд-Бейс Тамуз (12 Тамуза) была помолвка, а в Хэй Элул (5 Элула) – свадьба непосредственно. Мы тогда даже не представляли, как все организуем. Денег-то, в принципе, не было.

- И кто помог?

Во-первых, я написал Ребе, получил поздравления и множество благословений. Ну и началось... В первую очередь, помогли наши родители и родственники. В Маалоте за нас крепко взялась семья замечательных хасидов - Йосеф и Брурия Аржуаны. Организовали нам место и накрытые столы и еще кучу подарков в придачу. Они же были моими, так сказать, «посаженными родителями», потому что моя семья, к великому сожалению, не смогла приехать. Моих родных представлял двоюродный брат Толик. Ребята из йешивы организовали денежную помощь. С музыкой тоже все решилось. Ави Пиамента подобрал музыкантов и приехал сам – из Кфар-Хабада в Маалот с полным автобусом йешиботников (там же ехал и я). Рав Тувья Болтон, мало того, что одел меня с ног до головы во все новое, еще играл и пел. Так же Элизер Блюман, с которым у нас сейчас команда (об этом – чуть позже). В общем, я тебе скажу честно, эту свадьбу в Маалоте до сих пор помнят. Говорят, что чуть ли не рок-концерт целый был. Самое сильное ощущение – когда под хупой стоял, и ребята запели «Нигун Арба Бавот» Алтер Ребе...

Вот, собственно, пока и все. Остальное ты видишь сам – работа, семья, детишки вон бегают, в дверь стучат...

- Слава Б-гу, что еще можно сказать... Давай теперь в заключении, буквально в двух словах – чем сейчас занимаешься?

Во-первых, благодаря Пиаменте я вышел на

серьезных музыкантов и сам стал работать по-настоящему. Я уже тогда понял, что нельзя сидеть с каким-то очень «крутым», пусть даже самым лучшим супер-проектом и ждать пока тебя отыщет какой-то энтузиаст-менеджер. Нужно постоянно работать, активно двигаться, пробовать свои силы и там, и здесь. Даже свадьбы хасидские – это не русский рынок, «Яблоки на снегу» и тому подобное. Это тоже своего рода концерт...

- И как тебе удается совмещать казалось бы несовместимые вещи – образ жизни религиозного человека с имиджем рок-музыканта? Одно другому не мешает?

Ни в коем случае! Главное здесь наличие двух факторов: машпий, духовного наставника, который готов помочь в любую минуту, и ясной головы на плечах. А второе можно приобрести, только изучая Тору и хасидские труды, конечно... Между прочим, с тех пор как я стал на путь Торы, отпала надобность в побочных работах – я стал зарабатывать исключительно музыкой, чего мне не удавалось до сих пор.

- Здорово. Можно только пожелать, чтобы и дальше – с Торой по жизни.

- Омэйн!

- И давай напоследок о твоих проектах. И что с Женей, кстати? Ты обещал рассказать!..

Да, конечно, проектов у меня сейчас хватает, слава Б-гу. Но среди них – два самых мне дорогих. Во-первых, с Женей. Начинать мы как Drive Acoustic Group. Женя на гитарах и басах, я – на всем остальном. Уже записали два диска. Один так и называется DAG. Второй – «Journey 770» («Маршрут 770»), хасидские нигуны в очень оригинальной обработке. Своего рода новый шаг в области этно. Сейчас мы решили изменить название на «Journey 770». Женя предложил. Кроме того, у нас появился третий музыкант – Гирш Вайсерфирер, который играет на уде, баритоне, мелодике и других инструментах. Нам очень сильно помогает Саша Зборовский, гений в области звука. Я очень дорожу этим проектом. С Женей вообще работать – одно удовольствие. Мы друг друга с полуслова понимаем. Да и он сам, конечно, уникальный человек и замечательный музыкант. Кстати, в мае, с Б-жьей помощью, мы с Женей и Гиршем собираемся делать презентацию наших альбомов в Тель-Авиве. Кому интересно, звоните **050-673-2479, 052-851-0050**.

А второе... Группа «Йуд». Двое хабданников-американцев – Элизер Блюман (гитара, вокал, губная гармошка) и Яков Лефко (бас) – играют классический рок 60-70-х гг. Не так давно я сменил их барабанщика. И одновременно вокал практикую. Нескромно, конечно, такое говорить, но мы собираем залы. Когда кто-то уподобил нас легендарной «Зи-Зи-Топ», мы ему ответили: «Не дождетесь! В «Зи-Зи-Топ» барабанщик – без борды!..» Если кто любопытствует, может заглянуть вот сюда – www.yood.org. Там и о нас почитать можно, и расписание предстоящих концертов найти, и видеоролики посмотреть.

